

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ
ЧЕМПИОНАТ ФАБУЛЫ
ПО ПРОЗЕ
/2015/

Сборник рассказов

ЗАНЯВШИХ
ПРИЗОВЫЕ МЕСТА

Fabulae дебют!

Александр Русанов

**Альтернативный чемпионат
фабулы по прозе 2015**

«Издательские решения»

Русанов А.

Альтернативный чемпионат фабулы по прозе 2015 / А. Русанов —
«Издательские решения»,

Уважаемые читатели! Представляю на ваш суд лучшие рассказы литературного конкурса «Альтернативный чемпионат фабулы по прозе». Он проводится на литературном сайте «Фабула-дебют» уже четвёртый год параллельно с основным чемпионатом. В пятнадцати турах с различной тематикой в 2015 году участвовало сто двадцать восемь прозаиков. Оценивали произведения как сами авторы, так и компетентные судьи. Рассказы призёров — авторов, занявших места с первого по третье во всех турах, и вошли в данный сборник.

© Русанов А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
Первый тур.	8
Светлана Рязанская.	8
Нина Агошкова.	12
Второй тур.	16
Елена Русич.	16
Александр Dalahan.	18
Третий тур.	27
Светлана Рязанская.	27
Игорь Кручко.	30
Четвёртый тур. О животных	34
Ольга Черниенко.	34
Татьяна Лаин.	38
Александр Сороковик.	40
Пятый тур.	45
Александр Русанов.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Альтернативный чемпионат
фабулы по прозе 2015**
Светлана Рязанская
Нина Агошкова
Елена Русич
Александр Dalahan
Игорь Кручко
Ольга Черниенко
Татьяна Лаин
Александр Сороковик
Александр Русанов
Ольга Тюренкова
Владислав Александрович Диаров
Анна Кул
Андрей Дорошенко
Ирина Ваганова
Владимир Серов
Александр Ти
Евгения Евтушенко

© Светлана Рязанская, 2016
© Нина Агошкова, 2016
© Елена Русич, 2016
© Александр Dalahan, 2016
© Игорь Кручко, 2016
© Ольга Черниенко, 2016
© Татьяна Лаин, 2016
© Александр Сороковик, 2016
© Александр Русанов, 2016
© Ольга Тюренкова, 2016
© Владислав Александрович Диаров, 2016
© Анна Кул, 2016
© Андрей Дорошенко, 2016

© Ирина Ваганова, 2016

© Владимир Серов, 2016

© Александр Ти, 2016

© Евгения Евтушенко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от составителя сборника

Уважаемые читатели! Представляю на ваш суд лучшие рассказы литературного конкурса «Альтернативный Чемпионат Фабулы по прозе». Он проводится на литературном сайте «Фабула-дебют» уже четвёртый год параллельно с Основным Чемпионатом. В пятнадцати турах с различной тематикой в 2015 году участвовало сто двадцать восемь прозаиков. Оценивали произведения как сами авторы, так и компетентные судьи. Рассказы призёров – авторов, занявших места с первого по третье во всех турах и вошли в данный сборник.

Для широкого круга читателей.

Главный судья Чемпионата Фабулы по прозе Александр Русанов

Первый тур. Сказка

Светлана Рязанская. Вот это принцесса!

– Кеша! Бросай все, на нашей территории вражеский лазутчик!

– Эль, ну какого шута ты так орешь? Я же рядом сижу.

Небольшой лазурный дракончик отложил книгу, которую до этого читал, снял очки и уставился огромными синими глазами на Элю, принцессу королевства Церб. Сама же принцесса в этот момент возбужденно приплясывала у окна, глядя в трубу.

– Что там у тебя, егоза? – невозмутимо спросил Иннокентий, для друзей просто – Кеша, но в связи со своеобразным направлением работы самих друзей у дракона не было. Если не считать одной донельзя взбалмошной и пронырливой рыжей принцессы, которую он должен стеречь.

– Ну, говорю ж, лазутчик вражеский. Сам смотри, вон, ползет.

Элька сунула дракону в лапы трубу и махнула рукой в направлении дальних кустов. Кеша поднес трубу к левому глазу, прищурил правый и хекнул. Между кустов ежевики, прямо в крапиве полз рыцарь, и все бы ничего, даже, может быть, он и незаметен был бы, да только доспехи так и сверкали на солнце. Есть у рыцарей глупая привычка – начищать их перед боем. Щеголи.

– Что-то рано в этот раз. После последнего, как его там звали-то...

– Элемирон Прекрасный, – тут же подсказала принцесса.

– Вот-вот, после него еще ж и трех дней не прошло. Странно, обычно хотя бы две недели покоя было. – Кеша призадумался, потер хвостом подбородок, а затем с нескрываемой надеждой уставился на принцессу. – Слушай, а может, ты уже прекратишь кобениться и сдашься этому лазутчику. Не, ну, а что? Я сейчас выйду, немного хвостом помашу, огнем поплююсь, сделаю вид, что сдох, сраженный доблестным воином, а ты вся такая счастливая и свободная выпорхнешь из башни и как кинешься обнимать спасителя и избавителя от крылатого антихриста и душегуба. А там и свадьбу сыграете, деток ему нарожаешь. М-м-м?

– Кеш, ну ты и фантазер. Я что, просто так до этого столько рыцарей спровадила? Нет уж, не хочу я замуж. Папенька мой хочет, вот пусть сам за них замуж и выходит, а я – не хочу. Все, давай по старому плану.

Элька упрямо поджала губы, топнула на дракона и, гордо задрав подбородок, удалилась в свою комнату. Кеша вздохнул, немного подымял из ноздрей от расстройства, еще вздохнул, да так – погорестней, и вылетел в окно, а когда приземлился перед башней, был уже не маленьким лазурным дракончиком, а огромным грозным драконом, которым впору детей малых пугать.

Кеша окинул злобным взглядом кусты, тут же заметил оттопыренный блестящий зад рыцаря и не смог подавить смеха, в результате чего из пасти вырвалось пламя в сторону тех самых кустиков. Кеша вылупил и без того огромные глаза и почесал хвостом за левым рогом. «Лазутчик» пискнул и сильнее зашуршал, отползая чуть назад от вспыхнувших кустов ежевики. Ну, оно и понятно, доспехи-то из металла, тут же нагреваться стали.

«Тоже мне, спаситель! Родич кастрюли!» – ехидно подумал Кеша и теперь уже специально, для убедительности, запалил еще пару кустов.

Рыцарь вскочил, заорал, как резаный, отбросил зачем-то шлем в сторону и кинулся в бой, потрясая блестящим мечом.

«Все как всегда, – подумал дракон, – и впрямь как по сценарию».

Подловив рыцаря хвостом еще на подлете к своей неубиенной тушке, Кеша придавил того к земле, сел рядышком и стал рассматривать когти, сделав вид, что вообще ничего не заметил и все, что с недоспасителем случилось – оно исключительно само.

Через пару минут из-под хвоста послышались сдавленные хрипы. Решив, что с мученика все же хватит, Кеша убрал хвост и стал прислушиваться. Хотя это и не требовалось: рыцарь так пыхтел и гремел доспехами, что и мертвого мог из могилы поднять.

– Ах ты, ящер облезлый, да я тебя, да я тебя!.. – рыцаря так и распирало от негодования и унижения.

Кеше тоже стало как-то обидно. Почему это он облезлый?! Да где, в каком месте?! Еще никто его так не обзывал. Кеша грозно зыркнул на родича кастрюлю и зашипел.

– Да я тебя! Да я тебе! – продолжал придумывать казни для дракона недоспаситель.

– Ты меня, ты меня. Что?

– Я-я-я... – не унимался рыцарь.

– Ты бы сбавил обороты, того и гляди, инфаркт нагрянет в гости и скосит тебя.

Рыцарь от удивления примолк и вытаращил глаза.

– Что, уже?! – продолжал измываться Кеша. – Говорил же тебе, осторожнее с сердечком надо.

– Ты-ты-ты... – попытался разродиться словами рыцарь.

– Я-я-я, с утра точно я был, и к обеду все еще я.

– Т-т-ты! Разговариваешь! – наконец-то выпалил рыцарь.

– А то, практически с рождения умею. Не ожидал? – добивал дракон информацией.

– Нет, – честно ответил рыцарь, захваченный врасплох словами дракона. – Как же это так, я ж думал, вы просто твари, порождение Адово, бессловесные.

– Я бы попросил выбирать слова, – обиделся Кеша, – а то как дыхну огоньком, так и пригодится та кастрюля, которую ты на себя натянул.

Тут уже рыцарь обиделся, побагровел, рот открывает, а сказать ничего не может. Лишь через пару минут наконец-то выкрикнул:

– Это не кастрюля, а доспехи!

– Кастрюля, доспехи – один шут.

– Нет! – заупрямился рыцарь.

– Да! – вторил ему дракон.

– Нет!

– Да! Будешь возражать, наглядно докажу.

– Ах ты, ах ты... ирод проклятый!

Рыцарь рванул на Кешу, потрясая мечом, дракон увернулся, и незадачливый спаситель спикировал мордой в крапиву. Тут же послышался вой.

– Слушай, кастрюльный, ты же меня один шут не победишь, ну, провозимся весь вечер, ну, приложу я тебя раз пять-шесть о землю хвостом, а потом ты устанешь и уползешь восвояси. А давай лучше я тебе альтернативу предложу.

– Какую? – послышалось из крапивы.

– Хорошую. В карты сыграешь на принцессу. Выиграешь – и забирай ее, а коль не выиграешь... – Кеша чуть поиграл ноздрями, раздувая их и выпуская пар.

– Сожрешь меня, да? – совсем приуныл рыцарь.

– Тьфу! Нет, конечно. Начерта ты мне? Я не ем мясо, к тому же рыцари жесткие и железки ваши в зубах все время стрянут.

– Просто убьешь?

– Слушай, я тебе что, живодер какой? Мыслишь стереотипно. Что, если я дракон, то сразу поля жгу, деревни разоряю, девственниц краду. И всех, исключительно всех пожираю. Так, что ли? – Кеша гневно уставился на рыцаря.

– А что, нет? – удивленно протянул тот.

– Нет, – сказал, как отрезал, Кеша. – Проиграешь – уйдешь и расскажешь всем, что стережет принцессу не просто дракон, а настоящий монстр.

– А почему знаешь, что я правду не скажу, – ехидничал рыцарь, сообразив, что поминки по нему на этот раз откладываются.

– Скажешь правду – опозоришься. Ни одна дама на тебя без смеха не глянет, а тем более замуж не пойдет. Так-то.

– Хитрый ты.

– В наше время без этого никак нельзя, – важно проговорил Кеша и направился к башне, но остановился, осмотрел рыцаря, прищурился и добавил: – Доспехи тут оставь. Оставь-оставь, никто не украдет. И мечик положи у кустиков.

Рыцарь немного помедлил, слегка посомневался, а потом все же стащил доспехи и воткнул меч в землю.

Как только Кеша подошел к входу, тут же уменьшился и, слегка косолапя, стал подниматься по ступеням. К слову, этих ступенек было очень много, и чтобы чем-то себя развлечь, дракон считал их про себя.

К тому моменту, когда они поднялись на самый верх, даже Кеша запыхался, а рыцарь, судя по виду, был практически мертв. Он покрылся красными пятнами, дышал с трудом и качался из стороны в сторону. Кеша жалости особой к спасителю дам не испытывал, поэтому распахнул дверь и затолкал туда мученика.

Увидев за столом принцессу Эльку, тасующую колоду карт, рыцарь встал как вкопанный, разве что корни не пустил.

– Что встал? Садись, играть будем. Выиграешь хотя бы два раза из трех, выйду за тебя, а нет, пойдешь лесом, – с этими словами Элька начала раздавать карты, не дожидаясь, когда соперник сядет напротив.

Кеша пристроился в кресле у окна, взял свою любимую книгу, надел очки и приступил к чтению. Он отлично знал, что менее чем через полчаса и этот воздыхатель прекрасной принцессы уйдет восвояси с пустыми руками, как и двадцать соискателей до него. Никто еще у Эльки не выигрывал, даже сам Кеша, принцесса резалась в карты с азартом и самозабвенно, но не чуралась иногда и сжульничать. Шулером она была. Может, ее кто когда и засечет за этим делом, но пока прокатывало. Потому и у этого рыцаря шансов-то не было. Дракону аж жаль было бедолагу и немного себя. Неизвестно, еще сколько раз повторится этот сценарий.

И в этот раз Иннокентий оказался прав. Рыцарь проиграл подчистую – 3:0 в пользу принцессы.

– Слушай, ну выйди ты уже замуж, – просил дракон, когда они с Элькой смотрели, как рыцарь уходит в закат, таща на плече завернутые в плащ доспехи.

– Нет, не выйду. Я предупреждала папеньку, что если не даст мне заниматься тем, что я хочу, так и помру старой девой, а замуж не выйду никогда. Пока он упрямится, и я буду.

Элька топнула ногой, нахмурилась и, забежав в свою комнату, громко хлопнула дверью. Кеша тяжело вздохнул и уткнулся в книгу.

«Не пойдешь, так не пойдешь. Чё орать-то? – думал он. – Интересно, когда ждать новую жертву?»

Кеша уже понимал, что переубедить принцессу невозможно, она слишком была похожа на своего батюшку, вот поэтому, когда эти двое встречались, от них буквально искры летели в разные стороны.

«Эх, правильно говорят: от осины не родятся апельсины. И уж точно от кактуса не родится нежная фиалка».

Кеша засмеялся, выпуская из ноздрей дым, и, поправив очки, вновь приступил к чтению. Время покажет, может, и на этот кактус найдется свой дикобраз.

Нина Агошкова. Самый Настоящий Принц

– Вот мне просто интересно, сколько ты ещё будешь крутиться и вертеться на кровати? Песенку тебе спела? Спела. Спинку погладила? Погладила. Засыпай уже, Манюня!

– А сказку? – хитрыми глазёнками смотрит на меня дочь, – сказку-то не рассказала!

– Ты же все наизусть знаешь. Сколько можно их тебе рассказывать?

– А ты придумай новую!

– Хитрющая ты, однако! Ну, ладно. Только, чур, будешь мне помогать.

В сказочном лесу, на большой красивой поляне, стоял заколдованный замок. В самой высокой башне, на самом верху, жила-была...

– Рапунцель?

– Не угадала! Жила-была Царевна Лебедь.

– Нет, мам, в той сказке, у Пушкина, не было башни.

– А у нас будет. Так вот... Жила Царевна Лебедь. Днём она хозяйничала в башне, прибирала...

– Мам, разве царевны убирают в замке? У них же слуги есть!

– А эта жила без слуг, одна-одинёшенька.

– А что она тогда ела?

– Ты не спеши, сейчас всё узнаешь.

Так вот, днём она хозяйничала, а вечером садилась у окошка, доставала из шкатулки волшебное зеркальце и смотрелась в него. Только что была девушка – и вдруг превращалась в Лебедя, вернее, Лебедушку, небывалой красоты. Вылетала она в окно и отправлялась на ближайшее озеро. Там плавала, ныряла и заодно ловила рыбу. Ведь ты правильно сказала, продуктов у неё не было, а есть хотелось.

И прожила Лебедь в ожидании Принца, который вызволит её из заколдованного замка, долгие годы.

Как вдруг поселился неподалёку от замка...

– Вредный Гном?

– Нуууу, пусть будет Гном. Он устроил себе домик под землёй, занимался своими гномьими делами, а заодно поглядывал в сторону замка. И живущая в нём Царевна ему очень нравилась. Но больше ему нравилось зеркальце, в которое гляделась она вечерами. «Ааааа, – с завистью рассуждал гном, – вот бы мне это зеркальце! Есть у меня под землёй и золото, и серебро, и каменья драгоценные, а такого интересного предмета нет! Надо его отобрать у девочки. Заодно и летать научусь!».

Но пока зеркальце было у Царевны, и взлететь на башню без крыльев гном не мог. Как же быть?

– Я знаю! Можно верёвочную лестницу закинуть и по ней залезть, – подала идею дочь.

– Вот и Гном начал забрасывать лестницу. А Царевна ножницами чик – и перерезала верёвку. Он опять закинул – она опять перерезала. Закончилось тем, что вся верёвочная лестница вредного Гнома оказалась порезана.

Тогда он решил прорыть подкоп. По ночам, когда Лебедь улетаала из башни, он рыл, рыл и рыл.

– И дорыл? – испугалась девочка.

– Почти дорыл. Пробраться в замок ему не позволила сама девушка: она услышала шум, идущий из-под земли, и поставила везде-везде капканы. Потому гному ничего не оставалось, как бросить эту затею, после того, как ему разок прихлопнуло ногу.

В один прекрасный день возле замка появился...

– Принц?

– Конечно же, Принц! Он подъехал на белом коне, одет был в модный костюм...

– Джинсовый?

– Ну, пусть будет джинсовый. Остановил молодой человек своего коня, поднял голову вверх и говорит:

– Девица-красавица, я пришёл, чтобы спасти тебя из этой ужасной башни! Спускайся!

– Мам, а как же она спустится к нему? Ведь день, у неё днём крыльев-то нет!

– Ты права. Вот и Царевна-Лебедь так ответила ему:

– О, милый Принц! Как я рада, что ты пришёл спасти меня! Но, увы, спуститься к тебе не могу. Придётся тебе залезть сюда самому!

– Какие глупости, мы так не договаривались, – ответил сердито Принц, – я туда не полезу! Мой новенький джинсовый костюм испачкается! – и повернул коня прочь.

– Куда же ты! – вскричала Лебедь. Но услышала в ответ только топот копыт...

– Ах! Что же делать? Принц, мой долгожданный Принц ускакал... – расплакалась принцесса. – Кто же теперь освободит меня из этой ужасной башни? Но вдруг сквозь слёзы она заметила: на том месте, где стоял конь, что-то блестит.

– Может быть, это волшебное зеркальце Принца? Нужно будет непременно его ему вернуть, – подумала Царевна. Но так как спуститься вниз она не могла, решила ждать вечера, а потом рассмотреть, как следует, находку.

Однако, превратившись в Лебедушку и слетев к подножью башни, она ни-че-го там не нашла!

– Я знаю, знаю, что выронил Принц! – порадовала меня догадкой дочь, – он потерял телефон, да, мама? Помнишь, я тоже теряла и папа меня поругал?

– Ты права, доченька. Принц выронил сотовый, а хитрый вредный Гном уже успел утащить его.

Ничего не оставалось Лебеди, как лететь на озеро, за рыбой.

А в это время Принц доскакал до своего царства-королевства и решил позвонить другу, чтобы с ним вместе идти на бал. Оп! А телефона-то и нет! Что делать? Отец строго накажет за потерю. Пошёл он к своему брату, младшему Принцу, и говорит:

– Сбегай в заколдованный лес, там есть волшебный замок. Спроси у Царевны, не находила ли она мой телефон. Если нашла, пусть отдаст немедленно! А ты принеси его мне.

– Почему ты сам не поедешь? – удивился младший Принц.

– Что за глупый вопрос? Во-первых, я только что оттуда, а во-вторых, мне нужно собираться на бал. И вообще, ты мой младший брат и должен меня слушаться!

Ничего не осталось младшему брату, как поспешить в заколдованный лес.

А в лесу вредный Гном радовался, что девчонка выронила из окна своё зеркальце, и оно, наконец-то, досталось ему. Но сколько он ни заглядывал в телефон, крылья, как у Лебеди, у него не выросли. Рассердился Гном и закинул непонятную штуку подальше в кусты.

– Что, он не знал, как нужно звонить? – удивляется дочь.

– Конечно, не знал. У гномов нет сотовой связи.

– Бедные... – вздохнула Маша, – как же они разговаривают с друзьями?

– Думаю, у такого вредины и друзей-то не было.

– Почему же он не подружился с Царевной?

– А это мы с тобой скоро узнаем. Слушай дальше.

Отбросил гном телефон в сторону и притаился: решил поговорить с Царевной Лебедь, когда она будет искать это шутовину и выпросить у неё волшебное зеркальце.

И вот мы с тобой приближаемся в развязке нашей истории.

– Так мы же ничего и не завязывали, мама! – удивилась дочь.

– Это так говорят, когда сказка приближается к концу.

– Ой, скорее бы! Сказки всегда заканчиваются хорошо! – обрадовалась Маша.-

– Представь такую картину: с озера возвращается Лебедь, опускается на землю и начинает расхаживать по траве, заглядывая под кусты и кочки. Вдруг блестящая штукавина куда-то закатилась? – думает она.

– Там же вредина-гном, мама!

– Не волнуйся, всё под контролем! Слушай. А с другой стороны приближается младший брат Принца, чтобы забрать у Царевны телефон. Он решает позвонить на номер брата. О, чудо! Телефон в ответ издаёт звонкую трель. И вот к нему уже спешат с одной стороны Лебедь, с другой – младший Принц, а с третьей...

– Вредный Гном? – охает Маняша.

– Да-да. Он тоже поспешил на непонятный звук.

Принц слышит, кроме звонка телефона, шорох в кустах. Думая, что это крадётся хищник, он мигом выхватывает из колчана стрелу, срывает с плеча висевший там всегда лук и прицеливается.

– Он же не знает, что это Царевна! – переживает дочка.

– Конечно, не знает. Он прицеливается... и тут ему под ноги бросается свернувшийся в клубок вредный Гном! Ура! Принц покачнулся, и стрела пролетела мимо.

– Как ты смеешь стрелять в Царевну Лебедь? – закричал Гном, – ты что, не знаешь, что девочек обижать нельзя?

– Откуда же я знал, что это Царевна? – удивился испуганный младший Принц, – я думал, там волк, а это вообще какая-то птица.

Спрыгнув на землю, он быстренько забрал телефон брата, вскочил на коня и поскакал во весь опор подальше от этого странного места.

Вредный Гном и Лебедь остались наедине.

– Скажи мне, зачем ты пытался пробраться в мою башню? – спрашивает Царевна у вредины, – ты хотел мне навредить?

– Нет, что ты! – воскликнул Гном, – ты мне нравишься, ты красивая... просто я хотел посмотреться в твоё зеркальце и хоть немного полетать так, как ты... – он стоял такой грустный и маленький, что Лебеди стало его жалко.

– Возьми, – сказала она, протянула ему зеркальце и отвернулась.

– Ой! – вдруг раздалось сзади, – что такое? Где мои крылья?

Обернувшись назад, Царевна увидела вместо несуразного гнома высокого юношу. Он с удивлением оглядывался вокруг:

– Что случилось? – тут его взгляд упал на девушку, стоящую неподалёку.

– Это ты сделала?

Но она и сама была удивлена не менее его.

– Нет, я здесь ни при чём...

– Мама, мама, я знаю – это волшебное зеркальце – радостно зашептала Машенька, – он расколдовался и превратился в Принца, я догадалась! А Лебедь превратилась в девушку, хоть была ночь!

– Ну, раз ты догадалась, значит, так и есть.

– Теперь, – сказал Царевне Принц, – когда я стал настоящим человеком, хочу спросить: ты будешь моей женой?

– Да! – ответила девушка.

– Какая хорошая сказка получилась у нас, правда же, мама? Только я всё равно не понимаю, почему Царевна Лебедь раньше не улетела из своей высокой башни – ведь у неё были крылья...

– Наверно, для того, чтобы мы с тобой смогли сочинить эту сказку, дочка.

– А может быть, она ждала Самого Настоящего Принца, – вздохнула Машенька, повернулась на бочок и уснула.

Второй тур. О любви / Эротика

Елена Русич. Сирень под дождём

Свадьба гроыхала на всю округу. Музыка из распахнутых окон выплёскивалась на площадь и эхом возвращалась обратно. Тамада охрип, пытаясь вернуть разбушевавшуюся публику в рамки запланированного сценария, но никто на него не обращал внимания. Молодёжь в середине зала отплясывала что и как хотела, независимо от звучащих мелодий. Женщины группками разбрелись по уголкам, обсуждая всё и всех. Мужчины периодически сталкивались у стола, дружно наливали спиртное, и с выкриками неведомо куда: «Горько!» – выпивали, закусывали, пытались завести песни, обнимались и вообще действовали сами по себе. Молодые уже и целоваться перестали – надоело: им, уставшим от суматохи торжественного дня, давно бы пора в тишину супружеской спальни, особенно невесте, чей животик знаменовал скорое появление наследника.

Катя выскользнула из духоты зала на ресторанный террасу.

Мелкий дождь шелестел в листве, обалденно пахло сиренью. Присела на забытый стул, расслабилась. Опять она всего лишь подружка невесты. Лариска уже по второму кругу пошла, даром что с двумя детьми, а ей даже это счастье не светит. Вспомнилось, как за день перед своей свадьбой застала жениха в объятиях своей близкой подруги, и мороз по коже. Будто её кто заколдовал, даже любовника и того нет.

Подъехало такси. Трое мужчин с цветами и с коробками. Запоздалые гости. «А кто это у нас такая сероглазенькая скучает?» – «Витька!» – ахнула. Ссузил глаза: «Откуда знаешь?» – Стало весело: не узнал, не вспомнил. «А не скажу!» – «Разберёмся! Не исчезай!» и в зал, где свадьба с появлением новых гостей разгулялась с новой силой. А Катя замерла с пылающими щеками. Сердце неистово билось.

Витька! Виктор Стрелец! Как же давно это было! Он появился в их классе среди учебного года и сразу стал лидером и не только класса, а даже всей школы. Высокий не по годам, спортивного сложения, горящие темнокарие глаза и буйные чёрные кудри. Предмет обожания всех девочек от мала до велика. Сплетни ходили всякие, но явных свидетельств о его победах так и не случилось. Катя, самая маленькая в классе, не котировалась как подружка для ухаживания. Мальчишки охотно принимали во все игры, поскольку была ловкая и быстрая, но записочки не писали и даже за косички не дёргали. Выглядела она намного моложе своего возраста. Разумеется, Витька и не смотрел в её сторону, а она? Влюблена по уши с замиранием сердца. И только раз – уже на выпускном вдруг подошёл: «А почему такая сероглазенькая стоит в сторонке и не танцует? Или не умеешь?» Но две девчонки подскочили, схватили его за руки и со смехом утащили к столу. А Катя сбежала.

Прошло несколько лет, и Виктор снова объявился в городе: возмужавший, ещё более красивый, с непокорными вихрами на голове. Была свадьба его двоюродной сестры, а Катя, конечно, была подружкой невесты. Гуляли прямо на лужайке около домов. Кто-то затеял игру в жмурки. Девушки завязали Виктору глаза, покрутили хорошенько и со смехом разбежались. Катя стояла в стороне, наблюдая, как старательно все вертелись перед парнем, хлопая в ладоши, а тот прислушивался, но пока никого и не схватил. Она хихикнула: уж больно молодая стремилась попасть в его объятия. Парень резко повернулся и схватил Катю крепкими руками, скинул повязку и посмотрел в глаза. «И как зовут насмешницу?» – «Катя!» – «Катя, котёно-

чек! Школу-то хоть закончила?» – Фыркнула обиженно: «Я уж институт заканчиваю!» – «Да неужели? Что-то непохоже!» и расхохотался. Вырвалась и подальше от дерзкого.

Она стояла в сторонке, слушая девичий хор и перебирая цветочки на ветке сирени. Возник ниоткуда, обхватил за талию, заглянул в глаза: «Ну и как, много пятёрочек нашла? Может и мне повезёт? Ой и правда – повезло!» – его горячие губы перекрыли дыхание. А как забилося сердце! А потом танцевали, пили на брудершафт, смеясь, скармливали друг другу кусочки колбасы, конфеты и... целовались, и целовались так, что губы припухли. Уже вечером проводил до дома, сетовал, что утром уезжать, а как не хочется! И пошли в подъезд, в квартиру, не выпуская друг друга из объятий. Кате представлялась первая ночь с мужчиной, как в кино – с криками, срыванием одежды в порыве страсти. Но всё не так. Легко снял платье, щёлкнула застёжка лифчика, всё упало на пол. А он нежно, еле прикасаясь губами, целовал лоб, щёки, губы, шею, и так это было приятно, что не задумывалась, что дальше. Любовь к этому давнему кумиру поглотила целиком. И, уже лёжа в его объятиях на постели, впитывала в себя эти неведомые ласки. И засыпала на его плече, и снова наслаждалась объятиями мужчины, пока совсем не сморил сладкий сон. Проснулась – одна, только рядом на подушке большая ветка с гроздьями сирени. Долго лежала, обнажённая, разыскивая цветочки с пятью лепестками. И была счастлива. Она любила, и стала женщиной. Да, могла бы и раньше, но с ней был тот, кого давно и тайно любила. И вспоминала нежный шёпот: «Девочка ты моя! Сладенькая! Мой котёночек!» Ни о чём не пожалела, только хотелось снова оказаться в этих нежных и сильных руках.

Но скоро сарафанное радио донесло – Стрелец женился! Потом ещё страшнее: пропал. Где и как – неизвестно.

Сколько лет пролетело-промелькнуло с тех пор. Были встречи и расставания, но ни один не подарил того счастья обладания и любви. В памяти остался только горький осадок разочарования.

«Ты не замерзла, моя радость?» – появился неслышно и обнял за талию. – «Так откуда знаешь меня?» – «Не скажу! Не имеет значения! Какая теперь разница?» – с печалью в голосе. – «Потанцуем?!» – «Там душно!» – «А мы здесь, музыку далеко слышно!» Притянул к себе обеими руками, сделал несколько шагов. Катя невольно вытянулась в струну, закинула руки ему на шею и напряглась, задохнувшись от нахлынувшего желания. Виктор прильнул к губам долгим и жарким поцелуем. «Пойдём!» – сказал глухо и повёл за руку к машине. Пошла, не раздумывая, да и пошла бы на край света, только бы с ним. Подъехали к дому, бегом от дождя в полутёмный подъезд, в квартиру. Дрожа от странного озноба, прошла к окну и застыла в ожидании. Мужчина тихо подошел сзади, нежно поцеловал в затылок, неспешно расстегнул молнию и скинул всю одежду разом. Поднял на руки, в постель, лёг рядом. «Девочка моя, любимая!» – прошептал и пальцем провел по телу от горлышка до низу, вызвав невольный стон.

«Ах ты мой котёночек!» – Мысленно усмехнулась: «Котёночек? Ну нет – дикая кошка!»

Проснулась – одна в незнакомой комнате. Светает. Распахнутое окно, капли падают на подоконник со странным ритмом. Дождь мерно шуршит по листве. И обалденно пахнет сиренью. Встала, закутавшись в покрывало, огляделась: одежда аккуратно развешана на спинке стула. Что это было? Вспоминалось с трудом.

Стукнула дверь. Он вошёл с обнаженным торсом, с каплями дождя на взлохмаченных волосах, в руках ворох веток сирени. Медленно подошёл с горящими глазами и счастливой улыбкой, ветки упали к её ногам. «Девочка ты моя! Любимая!» и припал к губам.

Через девять месяцев громкий крик возвестил о появлении на свет крепкого здорового малыша.

Александр Dalahan.

Женщина в босоножках, или Тройник в пиджаке

Она шла по песчаному берегу. Голая, в босоножках.
«Зачем ей босоножки?» – подумал я – «Босиком удобнее по песку»

Вопрос этот застрял в моем сознании и отвлек от множества других – мелких и никчемных, как мне в тот момент показалось – мыслей. О чем можно думать, когда видишь голую женщину, невозмутимо шагающую по песчаному берегу моря в босоножках? И когда набегающая волна пенится на ее загорелых щиколотках.

Момент эротического волнения. Пронзительная нить в прекрасном. Красота, эротичная по своей сути.

Сколь банальна причина того трепетного ощущения, что будишь ты в душе случайного созерцателя, обремененного суетными проблемами? И предназначена ли ты для него?

Не надо. Не надо думать об этом, когда видишь голую женщину в босоножках, идущую по песку.

Она шла по песчаному берегу. Голая, в босоножках.
«Зачем ей босоножки?» – подумал я

– Вам удобно? Кажется, песок набивается Вам в обувь и мешает идти.

Дама спокойно воззрилась на меня в ответ и долго обдумывала: что сказать. Все это время она была обращена ко мне и всецело открыта для меня.

Шоколадного цвета кожа. Обворожительные формы, сочетающие женственность со спортивной подтянутостью. Короткие волосы, открывающие точеную шею.

И фундаментальность женской грации, объединяющая все в общую композицию.

Еще... мокрые босоножки на красивых ногах – небольшой щемящий акцент.

Я застегнул пуговицу своего легкого летнего пиджака.

– Вы правы, – спокойно, без тени смущения, наконец, произнесла она, лишь слегка подчеркнув улыбку на своих губах – Признательна Вам за внимание. Это действительно неудобно.

– Снимите же их, – зачем-то настоял я.

Но дама жестом показала, что не станет этого делать:

– Нет-нет. Если разуюсь, то останусь совсем голой. И для меня это станет катастрофой. Я и без того оказалась в весьма затруднительном, как видите, положении. И босоножки, пусть чуть, но придают мне уверенности и удерживают от истерики.

Я кивнул, хотя пока не понимал ничего:

– Вы правы. В данном случае они придают Вам не только уверенности, но и обворожительности.

Женщина на мгновение отвела взгляд и затем поспешила объясниться:

– Прошу простить меня за мой вид. Я уединенно и беспечно загорала у самой кромки моря. Неожиданно набежавшая волна унесла мое платье и купальные принадлежности. Единственное, что удалось спасти – босоножки.

Я опять качнул головой. И на этот раз уже с пониманием и... лукавым сокрушением:

– Какая неприятность.

– Увы. Для меня да.

Дама осмотрелась по сторонам, после снова обратилась ко мне:

– Мне надо вернуться в отель. Но Вы понимаете: какие сложности ожидают меня в таком виде?

– Могу Вам чем-то помочь? – с поспешной готовностью предложил я.

– Пожалуй, – неуверенно ответила дама в босоножках. – Ваш жакет – он мог бы меня выручить.

Жакет, жакет.

Моя привычка надевать пиджак даже летом, оказывается, может принести пользу даме. Это приятно.

Я скинул то, что она назвала жакетом, и набросил ей на плечи.

– Только это пиджак, – невольно поправил я.

– Для Вас, – настояла незнакомка. – Для меня – жакет. Но благодарю. Вы меня буквально спасаете.

– Вас проводить? – не стал спорить я, сосредоточившись лишь на своих обязанностях порядочного человека.

– Было бы крайне любезно с Вашей стороны, – охотно согласилась она. – С Вами мне будет легче идти на людях в одних босоножках и в жакете.

«Пиджаке» – подумал я, но промолчал.

Я предложил руку и был подхвачен под локоть весьма нежными, но крепкими, женскими пальцами.

На мгновение мне пришлось освободиться и глянуть на женщину сзади.

Ну, должен же был я убедиться, что мой пиджак-жакет достаточен для того, чтобы назваться одеждой. Удостовериться, что его длины достаточно (ну, почти), а шлицы не расходятся на критический угол (разве что чуть).

Все было нормально. Просто, исключительно нормально.

– Мы можем идти. Извините.

И она снова взяла меня под локоть.

Предложив покинуть пусть безлюдное, но песчаное – а потому не слишком удобное для ходьбы – побережье, и не встретив возражений, я повел даму на мощеную набережную. Где мы сразу встретились с множеством прохожих. Но наша пара никого не смутила.

В этих местах люди не имеют обыкновения ходить чрезмерно одетыми и редко обращают внимание на причуды пляжных костюмов. Это было нам на руку.

Моя спутница – надо отдать ей должное – держалась уверенно и непринужденно. Чем облегчила мою задачу: по возможности без привлечения к себе большого внимания проводить ее в отель. Мы изредка переглядывались, но ни я, ни она не решались продолжить словесное знакомство. Она, видимо, была достаточно хорошо воспитана, чтобы самой затевать разговор с незнакомым мужчиной, одолжившим ей... жакет. А я... А я был озабочен выбором наименее людного пути. А чем еще должен был быть озабочен воспитанный мужчина, ведя под руку полуголую даму?

Так что, тема для разговора на ум не приходила.

– Вас не мучает жажда? – решился все же поинтересоваться я, когда мы проходили мимо летнего кафе.

– Да. Немного.

День выдался жарким. И я сам не отказался бы от чего-нибудь прохладительного и тонизирующего.

– Тогда, если Вы уже привыкли к своему костюму, и он Вас не смущает, могу ли я предложить Вам фужер холодного коктейля?

– С готовностью, – согласилась дама.

Прекрасно! Мне нравятся женщины, умеющие держать себя в руках и сохраняющие благодушие в критических ситуациях.

Мы свернули, и я провел спутницу к столику в тень раскидистой пальмы. Место выбрали самое уединенное.

Услужливо подвинув даме стул, я подсел подле. Ну, прежде всего, для того, чтобы прикрыть ее от, пусть и крайне немногочисленных, но все же имеющихся в кафе посетителей. А, потом, чтобы контролировать ее внешний вид. Ибо ей самой это, очевидно, было делать затруднительно. Что она тут же подтвердила, скрестив ноги, и преступно освободив их полностью от пол пиджака, и без того с большим трудом пытавшихся до этого момента их прикрывать.

Мне пришлось сосредоточить на этом свое первоочередное внимание. И я даже попытался напомнить своей спутнице о том: где мы находимся.

Только жара в этот момент сыграла со мной злую шутку. Я по обыкновению стараюсь обдумывать и контролировать то, что говорю. Но на этот раз с моих уст слетел откровенно глупый и вздорный вопрос:

– Простите, Вам ноги не мешают?

Нужно было укорить себя за это, но сказанного не вернешь.

– Не поняла, – чуть удивилась дама.

В чем я ее не осудил – вопрос был, действительно нелеп.

– С такими ногами Вы, наверное, хорошо плаваете? – попытался исправить я.

Но это, пожалуй, было еще нелепее и непристойнее.

Только, дама не разозлилась на мою внезапную глупость. А скорее, даже, особенным образом ею воспользовалась:

– Думаю, неплохо. И ноги мне, обычно, не мешают. Разве что чуть – в некоторых особо сложных стилях.

Тут я понял, что попал в очень затруднительную ситуацию. По собственной глупости завел разговор в опасно-непристойное русло. Но деваться было уже некуда.

Когда подошел официант, я на короткое время порадовался возможности сделать паузу в беседе и заказал два коктейля со льдом. Официант принял заказ и удалился, даже не глянув на мою спутницу.

Хоть это хорошо!

Но только мы опять остались одни. И мне предстояло продолжить беседу.

Да, уж!

Я решил привнести немного патетики, и опять понес чушь:

– Знаете, с кем бы я хотел Вас сравнить?

– Любопытно.

– Возможно, образ будет странен.

– Еще любопытнее.

– С морской пантерой.

Сказал я и понял, что идиот. Большого вздора я еще не произносил.

Женщина не поняла: являлось ли это комплиментом или нет? Но глаза ее тут же заискрились, на губах снова появилась обворожительная улыбка.

– Почему пантера? Почему морская? Разве такие бывают?

– Нет, не бывают, – согласился я – Но именно такой образ приходит мне на ум, когда я гляжу на Вас.

– Но почему же? Почему именно такой?

– Видите ли. Прежде, Ваша фигура. Ваша грация. Они, как у пантеры. Потом, Ваш взгляд. Он пронизывает, как взгляд пантеры.

Видимо, для проверки моих слов о своей фигуре, дама на миг еще больше раздвинула полы пиджака-жакета, потом развела в стороны лацканы, и изучила саму себя. Затем в подтверждение последней части мною сказанного пронзила меня взглядом, которым можно было лишиться воли любую жертву.

Жертвой, вполне очевидно, являлся я.

Это прозвучит странно, но оказаться жертвой иногда бывает приятно. Именно так и было в этот раз.

С другой стороны, я немного нервничал. Причем, четко обрисовать природу своей обескураженности не возьмусь.

Как бы там ни было, но жертва – есть жертва. Она всегда нервничает. Даже если понимает, что это лишнее.

Тут нам принесли коктейли. И я на короткий миг опять получил небольшую спасительную паузу.

Но, пожалуй, она уже была последней.

– А почему морская? – настояла на продолжении темы незнакомка, когда официант удалился и уже теперь навсегда.

– Морская? Видите ли, море навевает на меня романтическое настроение.

– И я тоже?

– Да. И Вы.

Она улыбнулась.

– Вы романтик? Как это прекрасно! Нет ничего более волнующего.

А я понял, что по-настоящему влип. И тут вспомнил о трубке.

Не закурить ли?

Вообще-то, я не имею обыкновения курить трубку на людях. Не люблю, когда меня отвлекают от этого занятия.

Трубка требует внимания. Капризничает, когда не получает его в должной степени.

Но она же и выручает. Когда надо сделать паузу в разговоре, переменить позицию в нем, или в целом спастись, выйти из сложного положения.

В общем, я решил закурить. Но...

Вот, ужас! Видимо проведению было угодно сегодня меня раздавить.

Курительные принадлежности остались в карманах пиджака, который на даме.

– Что-то не так? – участливо поинтересовалась незнакомка, обнаружив мое замешательство.

– Нет-нет...

– Не лукавьте. Я заметила: Вас что-то вдруг обеспокоило.

– Пустяки.

Но дама не была намерена отступать:

– Вы меня пугаете. Маленькие пустяки заканчиваются большими проблемами. Особенно с незнакомыми мужчинами.

Я улыбнулся:

– Не тревожьтесь. Просто, я курю трубку. А сейчас как раз такой момент, что располагает. Но не будем об этом.

– Почему же нет? Признаюсь, меня с самого утра тоже все очень располагает. Сегодня день какой-то располагающий. По воле стихии я сижу практически голый с Вами в кафе. А Вы по необъяснимым причинам отказываете себе в своих желаниях. Разве может это не пугать?

Я взял ее руку и постарался быть ироничным:

– Вы драматизируете. Все просто: мои трубка и кисет с табаком находятся у Вас. В карманах моего пиджака. Вернее, Вашего жакета.

– О! Так все дело лишь в этом?

– На текущий момент исключительно в этом. Но, как Вы правильно заметили, я готов отказаться от своего желания.

– Что Вы! Ни в коем случае. Я не прощу себе Вашего отказа.

Ну, что тут будешь делать?

Я опять оказался в затруднительном положении. Курить – действительно, уже не было и в мыслях. Но я перестал контролировать ситуацию.

Желание дамы – для меня превыше всего. И раз надо – значит надо.

Мне пришлось сдаться.

– Что ж. В таком случае, могу я попросить Вас достать из правого кармана Вашего, – в этом месте я сделал акцент, – ЖАКЕТА небольшой кейс, а из левого кисет?

Женщина, приподняв руки, с интересом посмотрела на мои-свои карманы. И отрицательно покачала головой:

– О, нет. Простите. Я не могу обыскивать Ваш пиджак.

– Но...

– Вы не можете мне такое предложить. Пиджак Ваш. И только Вы можете распоряжаться его содержимым.

Я возразил:

– Пока он на Вас, он не мой пиджак, а Ваш жакет.

Но аргумент даму не убедил:

– Жакет мой, временно. По воли случая. Но карманы Ваши.

– Да, но...

Дама не дала ходу дальнейшим моим аргументам. Подалась вперед, приподняв руки:

– Никаких, НО. Доставайте. Сами.

Вот, это да! Рыться в карманах пиджака, надетого на абсолютно голую даму! Пусть даже это и мой собственный пиджак.

Только, делать было нечего.

– Ну, если Вы так настаиваете.

Я отхлебнул ледяного коктейля и, стараясь быть максимально деликатным, осторожно запустил руку к себе, вернее ей, в боковой карман.

Кейс с трубкой обнаружился сразу. Это хорошо!

Но, чтобы дважды не залазить в карман я решил сразу прихватить и зажигалку. Вот, только та лежала на самом дне. И мне пришлось запустить руку глубже.

Даму это нисколько не смутило.

А у меня возникла проблема. Продолжая действовать чересчур деликатно, я обнаружил, что не могу одновременно подхватить и кейс, и зажигалку одной рукой.

Моя нерешительная неуклюжесть не осталась незамеченной:

– Не получается? – озабоченно спросила дама.

– Увы, пока нет.

– Мне кажется, я чувствую причину, – продолжила она.

– И в чем же она? – поинтересовался я.

– Вы несмелы. В этом проблема.

– Но я не хочу доставить Вам неприятность.

– Уверяю. Вы ее мне не доставите, если будете немного увереннее в своих действиях.

Увереннее – так увереннее.

Подавшись вперед, я перестал церемониться и... в следующий момент без труда подхватил оба капризных предмета, извлекая их на свет.

Хороший урок. Впредь буду именно так и делать.

– Это все? – на лице незнакомки промелькнуло мимолетное сожаление.

– Еще кисет и тройник.

– Тройник? А что это? – заинтригованно поинтересовалась дама.

– Такая небольшая вещица, необходимая при курении трубки. Оба предмета во втором кармане.

– Так, давайте их искать.

Дама услужливо повернулась ко мне другим боком.

Я хлебнул еще и на этот раз уже уверенно запустил руку в другой карман. Но...

Опять столкнулся с проблемой.

Кисет с табаком нашелся. А вот тройника не было.

Уже без всяких стеснений, я тщательнейшим образом обыскал весь кармана. Чтобы было удобнее, даже слегка приобнял даму за талию свободной рукой. Но все напрасно. Нужный предмет не обнаруживался.

– Не спешите, – посоветовала дама.

– Похоже, тройника здесь нет.

– Поищите еще.

– Ищу... Но, нет.

– Внимательнее. По всему карману.

– Пробую... Увы.

– Не может быть.

– Сам удивляюсь.

– Вы его в этот карман клали?

– Должен был.

– Может, все-таки в другой?

– В другом мы только что искали.

– А больше карманов нет?

Я откинулся на спинку стула и основательно приложился к фужеру с прохладительным.

– Есть, – выдохнув, ответил я.

– Где?

Вариантов «где?» оставалось не много.

– Внутренние карманы. Возможно там, – сказал я с безнадёжностью в голосе, ибо не верил, что мне будет позволено туда проникнуть.

Но ошибся.

– Так что же мы медлим? – спросила дама с легкой укоризной.

Я поставил стакан и совсем уж безрассудно попросил:

– Может, Вы снимете жакет?

Дама весьма терпимо отнеслась и к этой моей глупости. Она лишь отрицательно покачала головой и придвинулась ко мне:

– Не заставляете меня сидеть голой. Приступайте. Ищите и будьте смелее. Прошу Вас.

Теперь я уже не стал спорить. Запустив руку во внутренний карман, приступил к очень внимательному и неспешному исследованию содержимого.

– Ничего не нашли? – поинтересовалась дама через какое-то время, не менее моего увлеченная поисками.

– Нашел. Только не тройник, – не отвлекаясь, ответил я.

– И что же?

– М-м... Бумажник, блокнот...

– Это не то. Продолжайте дальше.

– С Вашего позволения, продолжаю...

– И?

– Странно, но тройника нет.

– Проверьте по углам. Предметы в карманах умеют прятаться.

– Проверяю... Нету.

– Еще раз.

Я последовал совету и основательно обыскал карман еще раза три.

Безуспешно.

– Может, он в другом внутреннем кармане? – предложила вариант дама.

– По всей видимости. Вы позволите там поискать?

– Безусловно...

Дама закрыла глаза и слегка, для моего удобства, поменяла позу.

Таким, вот, неожиданным образом поиски пропавшего тройника превратились в весьма увлекательное приключение, всецело захватившее меня. При чем сам искомый предмет постепенно утратил свою актуальность. Ведь, в общем-то, можно было бы обойтись и без него. Да и курить я уже давно расхотел.

Но последний внутренний карман я обследовал крайне тщательно и очень медленно. Боясь признаться самому себе и моей незнакомке, что никакого тройника там в действительности тоже нет.

Ибо тогда, на этом все закончилось бы!

А мне не хотелось прекращать поиски. Дама, похоже, была со мной солидарна. Ибо временами тихо поддерживала меня:

– Ищите-ищите... Не может быть, чтобы его там не было... Он не мог провалиться.

Только, тут я понял, что, пожалуй, все-таки мог – ПРОВАЛИТЬСЯ. И очень этому расстроился.

– Вы правы, – сказал я, оставив, наконец, в покое этот последний карман. – Тройник действительно провалился.

Незнакомка открыла глаза и бросила в мою сторону немного затуманенный взгляд:

– Куда провалился?

– Вниз. За подкладку.

– А-а... Понимаю. Так бывает, когда в карманах есть дырка?

– Вот-вот.

Женщина машинально похлопала себя по бедрам.

– Но, здесь спереди нет, – сказала она.

Меня это удивило:

– Нет? А я так надеялся, что он там. Больше ж ему быть негде.

– Не огорчайтесь. Ведь, он мог переместиться назад.

Назад?

А, ведь, точно! Он именно там. И сейчас мы его найдем!

Хоть, он уже и не нужен вовсе.

– Назад?

– Конечно, – дама привстала – Подождите. Я заберусь на стул, и Вы сможете поискать.

Стоп-стоп-стоп! На этом нужно приостановить поиски.

В этот момент сказал я это сам себе и тут же задумался.

Нужно? А, собственно, почему?

Неловкость перед редким окружением в кафе?

Да, нет. Ерунда.

В поисках мы зашли слишком далеко?

Зашли. Ну, и что? Если бы Человек не заходил слишком далеко, то никогда бы и не стал Человеком.

Тогда почему: стоп-стоп-стоп?

Благоразумие – отличительное свойство Человека. Иногда надо уметь вовремя остановиться.

Ну, вот, найду я этот тройник – там, где, уже теперь нет сомнений, он наверняка находится – и что?

Ведь, на этом все закончиться. Я вновь обрету свою никчемную безделушку, которая и без того ко мне вернется, когда мне вернут мой пиджак. А курить теперь я уже все равно не буду. Только, моя прекрасная Незнакомка допьет свой коктейль и мне придется отвести ее туда, куда она просит. И все!

Такое прекрасное романтическое утро! Пойдет прахом.

Ну, уж, нет! Теперь я уже отчетливо понимал, что не допущу этого.

Я мягко привлек к себе женщину, уже собравшуюся предоставить мне новое поле для поисков пропавшего тройника, и нежно обратился к ней:

– Знаете, сегодня такое особенное утро. Стихия природы свела нас вместе. И Вам не кажется, что было бы непростительно сейчас же отыскать этот пропавший тройник на... извините, вашем заду, поставив тем самым точку в нашем знакомстве?

– Это было бы непростительно, – слабеющим голосом подтвердила мою мысль Незнакомка.

– Что ж. Я рад, что мы с Вами чувствуем одинаково. И это по-настоящему волнует. Оставим же тройник лежать там, где он обрел для себя уют и комфорт. А сами отправимся в мир романтических грез и приключений.

– Простите, это куда? – совершенно не настаивая на ответе, поинтересовалась моя милая дама.

– Туда, где нас ждут благоухающие цветы, журчащие водопады и сказочные существа.

– Морские тигры и океанические бизоны? Как романтично... Но я раздета.

Я ласково поправил волосы у нее на голове и отметил:

– Там, куда мы отправимся с Вами, не принято критиковать костюмы. Тем более, что...

...Что может быть романтичнее и прекраснее женщины в одних босоножках и мужском пиджаке-жакете?

09.03.15

Третий тур. Юмор

Светлана Рязанская. Ничего себе сосед...

Все началось полгода назад. Впервые полтергейст дал о себе знать летней ночью. Я тогда не спал, читал полулежа на кровати. Тихо, за окном листвою шелестел теплый дождик, остужая сорокаградусный зной. Чуть слышно играла музыка в ноутбуке. Мне всегда нравилось ночное время суток: тишина, покой, одиночество. Вдруг кто-то словно выхватил книгу из моих рук. Возможно, я бы подумал, что как-то неосторожно повернулся и просто выронил ее, но как было объяснить, что тяжелый том просто завис в воздухе над кроватью и перелистывался сам по себе. Повисев так минут пять, книга упала мне на колени.

Честно говоря, после таких закидонов спать в ту ночь было страшновато. Книгу я закинул под кровать, словно боялся, что она вдруг отрастит огромные клыки и нападет на меня, как в истории про Гарри Поттера.

Когда точно уснул, сказать не смогу – видно, Морфей сильнее любых страхов. Наутро все мне казалось лишь глупым сном, и, обругав себя за мнительность и большое воображение, я постарался забыть и о летающей книге, и о призраках. Тем более полтергейст больше не шалил, а впереди у меня были рабочие будни на износ. Начальник требовал отчет за месяц, и его, кровь из носа, нужно было сдать к концу недели, а у меня там и конь не валялся. Да какой конь, там даже я не валялся. В результате в пятницу пришлось брать работу на дом.

Домой я не пришел – приполз, почти заставляя себя передвигать ноги. Наскоро сварганил салатик и, прихватив его, упал на диван перед телеком. Есть вообще не хотелось, и я лениво ковырялся в миске, словно вел там раскопки, которые, впрочем, ни к чему не привели. Осознав, что как-то не до еды, отставил миску в сторону и стал щелкать пультом, переключая с канала на канал. За этим делом я и уснул, напрочь забыв об отчетах, которые нужно будет завтра шефу домой отправлять.

Снилось мне море, а я лежал на теплом песочке и грелся в лучах ласкового солнышка. Где-то вдалеке пела скрипка, и иногда чайки с громким криком камнем падали в воду, чтобы в следующий момент рвануть ввысь с добычей в клюве. Мне было так хорошо, спокойно – просто идиллия. И вдруг в эту идиллию ворвался чей-то голос: «Вставай, ну вставай же. Какой же ты соня. Вставай». Как раз вставать-то мне и не хотелось, поэтому я проигнорировал просьбу неизвестного, каким-то ляхом зачесавшегося в мой сон.

Грохот заставил меня буквально подскочить на диване, да так, что приземлился на пол, отбив заднее «полушарие мозга». Ругаясь, открыл глаза и осмотрелся. Что же так могло грохнуть? Ответ нашелся тут же: рядом с журнальным столиком валялась миска с салатом, точнее те черепки, что от нее остались. Кряхтя, как старик, я соскреб себя с пола, потер рукой ноющий зад и направился в ванную за веником, совком и тряпкой. Вернувшись с хозяйственным инвентарем, замер в дверях, потер глаза, причем по рассеянности сделал это половой тряпкой.

– Ничего не понимаю. Что за черт такой?

Пол блистал девственной чистотой, никаких осколков. На журнальном столике прямо на том месте, где до этого была миска с салатом, стоял мой ноут, причем он был открыт и включен. Рядом с ноутбуком лежали три папки с документами. Я, может, конечно, и маразматик, но не до такой же степени, что б не помнить, как доставал ноутбук из сумки, как включал его и... судя по тому, что видно на экране, уже и отчет начал делать. Впору креститься.

– Что встал как на празднике? Или стихи читай, или иди и делай свою работу.

Я подпрыгнул, осмотрелся, а вокруг никого. Кажется, у меня что-то с головой, вон – голоса слышу. К врачу мне надо.

– Ремня тебе надо, а не к врачу. Любишь ты все в последний момент делать.

– Ты кто? – прошептал я.

– Совесть твоя. Проснулась недавно, осмотрелась, а тебя нет, только я и пустые стенки черепной коробки. Дай, думаю, схожу, посмотрю, жив ли еще мой хозяин или уже ласты склеил.

– Мама, – пискнул я и поискал взглядом место схоронки.

– Да не трону тебя. Всполошился. Хотя ремня бы тебе, непутевому.

Я, выпучив глаза, стал пятиться, пока не споткнулся о диван и не приземлился на него. Мне еще так страшно никогда не было. Сажу в своем доме, один, ночью, за окном хоть глаз коли, а я с кем-то разговариваю, и, самое главное, этот кто-то мне отвечает. Свят-свят-свят...

– Ты, вообще-то, кто такой, как проник в мой дом?

– Ой, твой дом?! Да не смей ты меня. Подвинься, – потребовало нечто, и я прямо почувствовал, как меня подталкивают в бок, вынуждая немного подвинуться. – Я тут раньше тебя завелся, мой это дом был. Сам его строил, душу вкладывал и помер тут же. Пожар был, я и сгорел во сне. Что, не слышал о пожаре? – Я помотал головой. – Ты что, когда дом покупал, не удосужился даже узнать хоть что-то? – Я опять помотал головой и перекрестился, еще немного отодвинулся. – Ну, и чего ты крестишься сразу? Да, я призрак, и что с того? Дом-то долго продать не могли, а мне скучно было. Да не трону я тебя, мне с тобой веселее. Меня, кстати, Тимур зовут. – Я открыл рот и уже хотел назвать свое имя, но меня перебили: – Не напрягайся, я знаю твое имя – Саша.

Вот так и свел я знакомство с невидимым жильцом. Отчет все же утром шефу отправил, спасибо призраку, он разбирался в них даже лучше меня. Но жить в доме с таким-то соседом – как-то не фонтан: мало ли что ему в голову придет, призрак все же, существо непредсказуемое и опасное.

Наткнулся я как-то на объявление одно: «Очистка дома, изгнание призраков и закрытие пространственных воронок», недолго думая, позвонил по указанному телефону. Какой-то мужик сказал, что за пару тысяч Мадам Изольда придет ко мне этим вечером домой и упокоит мятежный дух. Честно говоря, думал, что шутка все это и меня банально разыграли, но часов в одиннадцать раздался звонок в дверь. Я открыл ее и тут же чуть не получил каким-то вонючим веником по морде. Чудом успел отклониться. Кто-то громко и протяжно завыл. Я присмотрелся. Передо мной стояла дама бальзаковского возраста в черном парике, из-под которого торчала белая прядь волос. Одета она была крайне экстравагантно, увешана с ног до головы какими-то побрякушками, в руках тот самый веник.

– Деньги вперед, – потребовала Дама зычным генеральским голосом.

Я растерялся, вытащил деньги из кармана брюк и протянул «гостье». Ее глаза так и вспыхнули жадной наживой, а деньги легко, словно по волшебству, свинтили из моих пальцев в ее захапистые руки. Дама пересчитала купюры, сунула их за лиф платья-корсета-кофты (так и не смог определить, что это было) и скомандовала:

– Чего встал? Начали.

Меня как пушинку отодвинули в сторону, и Мадам Изольда, чиркнув зажигалкой, запалила свой веник. Вот это была вонючка, что там газовая атака – так, мелочи. Целый час Дама изгоняла призрака из моего дома: что-то вопила, тряслась в припадке, билась головой (правда, предварительно подложив подушку), каталась по полу, сожрала торт, что я на вечер приготовил, заламывала руки, причем мои, курила какую-то дрянь, спалила три веника (последний был особо вонючим) и мое одеяло, сказав, что дух прикрепился к нему. Мадам пронеслась по дому как ураган, оставляя после себя «руины», прихватила конфет из вазочки и со словами:

«Дом чист, призрак ушел», унеслась восвояси. Я как дурак остался стоять посреди разрухи в гостиной. Хотя почему «как», даже обидно.

– Кхе-кхе, – слышался надрывный кашель за моей спиной. – Саш, ты б окно открыл, вонища – не продохнуть.

Я засмеялся и закатил глаза. Две тысячи коту под хвост.

– Ты призрак, тебе вообще дышать не нужно.

– И то верно, иногда забываю.

– Ты не уйдешь?

– Нет, не уйду, ты б смирился. Легче станет.

Я устало вздохнул, сел в кресло и, закрыв глаза, откинулся на спинку.

– Саш, Саша, ты чего? – Меня потрясли за плечо. – Тебе плохо, что ли? Ну чего ты так расстроился, а? Давай кофейку тебе приготовлю, хочешь?

– Приготовь, – прошептал я, не открывая глаз.

Дождавшись, когда в кухне загремит посуда, я наконец-то открыл глаза и улыбнулся. Не знаю почему, но, кажется, меня даже обрадовало, что Тимура не смогли изгнать.

– Тебе сколько сахара? – слышалось с кухни, и я вновь улыбнулся.

– Три и без сливок.

У меня хозяйственный призрак, да и добрый. Не думаю, что многие могут похвастаться такой дружбой. Я встал с кресла и направился в кухню. Пусть живет. К тому же он в отчетах рубит, а еще одну такую Мадам Изольду могу и не выдержать. Я понаблюдал, как посуда буквально летает по воздуху, чайник закипает на плите, а потом сел на стул и спросил:

– Тимур, а расскажи-ка мне о себе... подробнее...

Игорь Кручко. Встречичная

Раздался звонок. Я вытерла руки об фартук и пошла открывать дверь. На лестничной площадке стоял Коля – мой муж.

Он был выпивши. Очень. Можно сказать, даже сильно! Одним словом, в дрезину! Он был очень сильно выпивши в дрезину!

На нем были одеты рубашка и пиджак. Внизу одежда у него заканчивалась семейными трусами! Слава богу, что новые надел, когда уходил! В прошлую пятницу купила по семь рублей сорок копеек на базаре!

– Господи! – только успела вымолвить!

Я его втащила в квартиру, чтобы соседи не видели такую стыдобу.

– Где твои брюки??? Ты почему пьяный??? Ты где был???

– Во встречичной!

– Где-где?

– Нууууу... Зынаешь пэсню: Люди встречаются... Люди вылюбляются и потом, как последние дураки, женятся!

– Я знаю другую песню, – ответила я, закипая. – Люди встречаются, люди влюбляются и потом, как последние дуры, выходят замуж за тех, кого и язык то не поворачивается назвать людьми. Понял?

– Что, понял? – чмокая губами, попытался ответить мне Коля.

– Брюки где? Я тебя послала на базар за огурцами! Ты пришел пьяный без брюк и огурцов! Где штаны???

– Остались у тещи...

– Что ты сказал? Ты ездил к моей маме?

– Ну-ну-нужна больно... твою... твою... мать... твою тещу...

– У тебя только одна теща – это моя мама! Что, уже появилась другая?

– Да нет же! Я забыл свои штаны, когда быстрым шагом убежал от Петинной тещи... Тэперь поняла!

– По-твоему, что я должна понять? Кто такой Петя, и что ты делал у его тещи?

– Петя – это хихфрихзихробвщик (перевод: фрезеровщик) из шестого цеха... золотая голова... и руки, наверное, тоже... такие... золотые...

– Это ты с золотоголовым напился?

– Ну... выпил... немного... во встречичной... И не просто так выпил! Огурцы обмывали, которые он мне собрался подарить...

– Что за «встречичная» такая? Где находится это место?

– Да не сытрочи как с пулемет из Анки! Сплошной «чито», «исчо» да «гиде»... Базар знаешь гиде? Исчо не забыла, случаем?

– О Господи! Спокойствие, только спокойствие... Да, я знаю где базар! Еще не забыла!

– Так вот, «встречичная» через дорогу от него. Тэперь моя мысль дошла до тебя?

– Я тебе сейчас как «дойду» под второй глаз! Это ты в той забегаловке так набрался? Боже, какой ужас... Ну и несет же от тебя... И этот тошнотворный запах рыбы... Прямо ходячая свалка, а не муж!

– Меня тоже подташнивает от него... Ты что, рыбу сегодня ела? Выкинь ее, она наверно пропала давно...

– Помолчи лучше! Завтра утром умничать будешь! Кто синяк поставил?

– Петина теща... Она знаешь какая бабенция огромная... Вот такая...

Коля хотел показать, каких размеров теща у Пети, но как только отнял руку от стены, за которую держался, то сразу упал на пол.

– Вставай, давай! И трусы подтяни! Смотреть противно! Если бы могла, то разорвала тебя на мелкие кусочки! Чего разлежся! – Боже, у меня поднимается давление! А ведь день так хорошо начинался! Черт меня дернул послать его на базар за тремя огурцами! Да ведь салатик хотела сделать... Сделала на свою голову!

Коля медленно поднялся с пола. Хорошо, что стенка рядом – помогла ему, как смогла. Немного сбалансировав свою качку с качкой палубы, то есть пола, он подтянул трусы.

– Ты что это? Ты совсем с ума спятил? – Нет! У меня сегодня точно приключится сердечный приступ!

– Я тырусы подтянул! Ты же сама сказала!

– Зачем ты их натянул на пиджак? А? Да еще по самую грудь! Резинку ведь растянешь! Потом, их только на половую тряпку пустить можно будет. Опустим их сейчас же!

– Ты определись сначала, что надо делать, а потом говори!

– С чем мне надо определиться?! – теряя терпение, спросила я.

– С чем, с чем... С нашими семейными... трусами... Их надо подтянуть или, наоборот, опустить... А я, пока подожду твоего кворума!

– Чего подождешь?

– Ты, что, глухая? Кворума говорю!

– Нет, посмотрите на него! Клоун и все тут! Пугало огородное! Ну и стой так, с пиджаком, заправленным в трусы!

– Я и так стою... Жду твоего голосования по этому вопросу...

– Штаны где? Я за них на базаре отдала сто четыре рубля шестнадцать копеек.

– Они... полные огурцов!

– Ты, что, нагадил в брюки? – опешила я. – Коля! Посмотри мне в глаза и скажи лучше правду! Нет! Пожалуй, лучше не смотри. Говори так, не глядя...

– У тебя, с воображением никак... Много у тебя его... Как ты могла, Зина, подумать об отце... их... Нет, что-то не то... Мых... тоже не то... Моих и твоих детей! Во, выговоревел, наконец!

– Где штаны и что с ними? – стальным голосом инквизитора (так мне показалось со стороны) спросила я у мужа.

– Ну, мы обмыли огурцы, и пошли их брать...

– Куда пошли?

– К Петиней теще... У нее свой дом... и огород рядом... Перелезли через забор...

– Что это вы через забор полезли? Ведь не к чужим пришли вроде!

Коля в это время хотел засунуть руки в карманы пиджака, но мешали трусы. Немного повозившись, он решил оставить это дело и просто засунул их под резинку от трусов.

– Что ты там ищешь?

– Карманы у пиджака куда-то пропали...

– Конечно, пропали! Ты ведь на них трусы натянул! Идиот!

– Я тебе о карманах талдычу, а ты мне опять со своими трусами прицепилась! Тебе что, поговорить больше не о чем? А?

– Не с моими, а с твоими! Пока еще семейными... Завтра этот вопрос прояснится окончательно!

– На чем я остановился? – промычал муж.

– Перелезли вы через забор...

– Да... Память опять вернулась ко мне... Петя, вот голова, сказал мне, что теща спит и что не надо ее будить...

– Хорошо. Что было дальше?

– Там, на огороде этих огурцов: видимо—невидимо... А положить не во что! Тогда Петя... Знаешь, Зин, ум у него прямо прет во все стороны... Очень толковый мужик! Так вот, Петя мне говорит: «Сымай штаны!» Ну, я на него покосился... Мысли всякие в голову стали приходить... Сама знаешь, в какое непростое время сейчас живем... Но, он мне объяснил, что можно со штанами сделать! Золотая голова!

– И что можно сделать со штанами? – мне самой стало любопытно.

– Штанины нужно завязать снизу узлами... Потом напихать в них огурцов и сверху стянуть брючным ремнем! Вот, скажи мне, ты бы до такого додумалась?

– Нет, до такого я точно не додумалась бы!

– Вот видишь! Я же тебе говорю, что из него так и прет... Этот, как его... Мозг... Потом, мы с ним напихали в штаны огурцы и стянули ремнем! Получился мешок с двумя ногами. Штаны, полные огурцов, так сказать... Но тут я увидел елку... Она была вот такого раз...

По всей видимости, Николай хотел показать размер елки и развел руки в стороны. Раздался треск ткани и его руки, проделав дырки в трусах, высунулись наружу. Не удержавшись, он опять упал на пол.

Приподнявшись, он оперся спиной об стенку. В это время резинка на трусах с глухим звуком лопнула. Вслед за ней лопнуло и мое терпение. Прости меня, Мать Тереза! Всякому терпению все-таки наступает когда-нибудь конец!

Коля тем временем продолжал вести свой рассказ:

– Так вот... Увидал я дерево... Колючее такое... Забыл как называется... Падение отшибло напрочь память, – и он почесал свой зад.

– Елкой называется это дерево!

– Да! Елка! Вот видишь, какой я у тебя хозяин! Все из дому, а я, наоборот, в дом!

– Оно и видно! Зачем тебе еще елка понадобилась? Моему больному сердцу и огурцов сегодня вполне хватило...

– Скоро новый год! Заготовить дерево решил к праздникам...

– Какой новый год? Сейчас лето, июль месяц на дворе! Боже мой!!! И кому я отдала свои лучшие годы!

– Не бойсь! В получку верну! Ты меня знаешь! Да... В это время на крыльце появилась Петина теща... Разбудили ее, наверное... Елка, едрить ее налево, никак не хотела из земли свои корни высовывать...

– Я сейчас, наверное, поседею...

– Я тебе еще не все рассказал...

– О, Боже...

– Так вот, она стала бежать в нашу сторону... И что интересно – молча!

Мы соорнитировались быстро: нужно разбежаться в разные стороны, чтобы у нее в глазах раздвоица началось. Петя побежал по привычке – налево, а я с непривычки – направо... Еле ноги унес...

– А синяк откуда на лице взялся? – спросила я, качая горестно головой.

– Вот лицо... унести не успел... Петя тоже не бегун... Догнала она его... Схватила за ноги и потащила в кусты... Как тот дикий зверь – убивать насмерть...

– Так, мне надоело слушать твои пьяные рассказы! – не вытерпела я.

– Что ты кричишь на меня повышенным голосом!

Я стала мучительно вспоминать, куда положила качалку. Тем временем ожил дверной звонок.

– Наверное, это наша соседка – Людка! Вот любопытная бабенка: как только слышит в нашей квартире голоса на повышенных тонах (могла бы за столько лет и привыкнуть!), сразу бежит к нам за солью! В этот раз дам ей пачку, думаю, что на месяц ей хватит!

Взяв на кухне соль, я открыла входную дверь. Но, вместо Людки на пороге стоял худосочный мужичек. Его майка была измазана свежей землей и зелеными полосками от травы. У меня возникло ощущение, что его долго тащили по земле.

На майке, под слоем грязи, я с трудом смогла прочесть «Трудовые резервы». На нем были спортивные штаны с пузырями на коленях отечественного производства (точно такие я видела на базаре по 39 рублей 45 копеек). Ноги были обуты в шлепки.

На шее у него были Колины штаны, заполненные какими – то небольшими продолговатыми предметами. Смотря на меня здоровым глазом (другой заплыл и приобрел фиолетовый цвет), он вежливо поздоровался со мной.

– Здравствуйте вам... Вот, штаны с огурцами... Коля в спешке забыл их, – и поставил штаны в угол коридора. Потом, увидев моего мужа, лежащего на полу и уже дремавшего крепким, непробудным сном, поинтересовался у меня:

– Воспитательный процесс, так сказать? Первый раз вижу, чтобы не качалкой, а натягиванием трусов на пиджак наказывали! Ладно, я пошел, а вы беседуйте дальше, не буду мешать. Хотел спросить только: Коля в следующее воскресенье пойдет на базар? Допустим, за помидорами?

– Это навряд ли!

– Если надумает, то передайте ему, чтобы запасные штаны с собой захватил...

После этих слов, я невежливо закрыла перед Петей дверь. Потом принесла подушку и подложила под Колину голову (какой-никакой, а муж все – таки!).

Впереди меня ожидала закатка огурцов, а завтра суровый разговор с Николаем.

Все-таки нелегкая у нас, девочки, женская судьба, скажу я вам!

Четвёртый тур. О животных

Ольга Черниенко.

Невыносимая жестокость бытия. Дарик

Утро было ярким, мартовским: голубые тени на снегу, чистое, синее небо, запах сосновой смолы и барабанная дробь пёстро́го дятла, предвещали скорое приближение праздника весеннего обновления природы, вызывая у всех живых существ томительное ожидание новой жизни, счастья, свершения надежд.

Сквозь утреннюю дрему пёс услышал шаги в доме, звон посуды, учуял запах кофе и геркулесовой каши.

Вышел хозяин с миской овсянки, привычно потрепал за холку, пристегнул к ошейнику новый карабин:

– Охраняй, будь умницей!

Хлопнула дверца машины, заурчал мотор – уехал хозяин на работу.

Алабай вылез из будки, потянулся, зевнул, понуро побрел вдоль ограды, насколько позволяла цепь – там он справлял утренний туалет.

Поселок просыпался. Люди спешили к электричкам, кто-то выгуливал собак.

Кудрявыми облачками промчались мимо два пуделя – задорные, игривые, шумные. Футбольным мячиком прикатился щенок овчарки – толстолапый, неуклюжий, наивный. В изумлении замер за забором – великанов ещё не видел!

Тявкнул, виляя хвостиком: – Будешь со мной играть?

– Не могу, извини. Цепь не позволяет, – пробасил в ответ алабай.

– Пойдем скорее, малыш, – заволновалась хозяйка щенка. – Большая собачка тебя съест...

– И так, каждый раз, – с сожалением проводил взглядом потенциального приятеля пёс.

– А могли бы стать друзьями...

Не было у него товарищей. Впрочем, и людей иных, кроме хозяев, пёс не знал.

Маленьким пушистым шариком прибыл он в этот дом, и пять лет просидел на семиметровой цепи: двадцать шагов в одну сторону, двадцать в другую...

Большую часть времени проводил в будке, спал или скучал в одиночестве.

Бурно радовался возвращению хозяина с работы, скупому вниманию хозяйки, робким попыткам девочки приласкать...

Его ответное желание облизать ребёнка, прерывалось нервным окриком:

– Осторожнее с собакой!

И пёс скулил, пытаясь рассказать любимым о своей тоске, а иногда, забытый всеми, в долгие зимние вечера, плакал и выл. Он был великаном, но добродушным и доверчивым, как трехлетний ребёнок, и точно так же, как человеческий детёныш, нуждался в любви и ласке.

Пёс долго смотрел вслед щенку, резво убегающему в иную, незнакомую жизнь, где малыша ждали друзья, игрушки и любящая семья. У пса же были только миска и заветный тайничок около будки, с тщательно припрятанными косточками...

Ему вдруг страстно захотелось на волю – бежать рядом с малышом, радоваться яркому солнцу, теплему ветру, обилию весенних запахов...

Пёс тяжело вздохнул, встряхнулся, чтобы поправить ошейник, и вдруг, услышал щелчок – новый карабин расстегнулся, цепь слетела – свобода!

Не веря счастью, пёс робко обошел участок, обнюхал все углы, а потом уже по-хозяйски пометил деревья, и забор из рабицы в конце участка подкопал без особого труда.

И вот, пёс уже на пустынной улице садоводческого товарищества.

Какое разнообразие запахов! Словно внезапно прозревший слепец, прочел по следам книгу событий: вот здесь пробежала собачка – маленькая, звонкая, деловая. Крохотные отпечатки лапок на снегу принадлежали другому, неведомому зверьку. В проталине, где пробилась молодая травка – норка дрожащей от испуга полевки. Пёс сунул нос в отверстие, фыркнул: – не бойся, маленьких не обижу...

– Ой, какая большая, мамочки! Страшилище – чья? – две пожилые женщины, застыли на дороге, не решаясь двинуться дальше, – Похоже, соседей!

– Люди! – прокричала одна из них в сторону приоткрытой форточки.

– Ваша собачка по дороге разгуливает? Не укусит? Заберите собаку!

Жена хозяина выглянула из окна:

– Боже мой! Пёс с цепи сорвался! Бегу!

– Иди домой! Иди! – широко отворив калитку, сделала попытку схватить собаку за ошейник. Пёс ловко вывернулся, побежал в противоположную сторону – великан привык подчиняться только «вожаку стаи» – хозяину, единственному, кто его кормил, ласкал, общался.

Возвращаться домой не хотелось, праздник ещё не кончился.

Хлопнула калитка – жена хозяина с дочкой вышли на улицу.

– Мы едем к врачу! Беги домой! – топнула ногой.

Но пёс отпрыгнул в сторону, вильнул хвостом – ему вдруг страстно захотелось поиграть, как в детстве...

– Некогда развлекаться! Погуляешь – вернёшься сам!

Хозяйка решительно направилась в сторону автобусной остановки, к шоссе.

Пёс, на расстоянии, шел за ними.

– Иди домой, пошел! – махала руками, топала ногами женщина.

А лохматый богатырь, с разумом трёхлетнего, восторженного ребёнка, прыгал, выражая радость от подобной «игры» усиленным вилянием своего короткого хвоста.

Хозяйка перешла дорогу – пёс решительно шагнул за ней. Скрипя тормозами, резко остановилась машина, другая, оглушительно сигналя, промчалась мимо...

– Дамочка! Что ж собаку-то бросили?

– Не слушается меня, ничего, погуляет – придёт домой...

Женщина с девочкой сели в маршрутку – дверца захлопнулась перед его носом. Алабай никогда ранее не видел машин. Сизый дым из выхлопной трубы попал в нос – он громко чихнул.

– Куда идти? Где дом? – и решил не переходить шоссе, совершив роковую ошибку...

Он отправился в лес, где среди деревьев виднелись крыши элитного загородного поселка.

Становилось жарко. Под ярким синим небом, налились, пригретые солнцем, почки деревьев – их тонкий аромат приятно щекотал ноздри. Пахло талой землей, вот-вот она проснётся, сбросит остатки снежного одеяла, и зажурчат ручьи, возликуют птицы.

Пёс сунул нос в сугроб, жадно глотая снег, вспомнил, что не успел сегодня позавтракать...

Пора возвращаться. Но чужие запахи не имели ничего общего с родным домом.

Залилась лаем при виде незнакомца, овчарка, сидевшая на цепи за забором.

– Здравствуй, – пес прижал нос к ограде, – скупаешь?

– Охраняю! Здесь – моя земля! – возмутилась сучка, – И чужих собак не люблю!

Из дома выскочила женщина, замахала руками – пошел, пошел отсюда!

– Почему люди всегда кричат «пошел»? – удивился пёс, но не нашел объяснения – его вниманием завладел дятел, усердно долбивший кору старой сосны.

Ликующее многоголосие прилетевших жаворонков и скворцов оживило ещё недавно сонный лес. Искрился снег на солнце, в голубом просторе небес дрожал воздух, пропитанный ароматами весны. Вдохнешь его полной грудью, и наполнится душа восторгом, блаженством, в предвкушении чего-то нового, чистого, настоящего, искреннего...

По-детски удивленными глазами, изучал пёс прекрасный мир, которого был лишен долгие годы. Если б не счастливая случайность, никогда не довелось бы его познать.

Неужели он рожден лишь для того, чтобы стать узником на цепи? Или жизнь его имеет иное, более важное предназначение?

Жаль, что нет с ним рядом любимого хозяина – не может разделить он радость своего питомца. Хорошо было бы вместе гулять в лесу, наслаждаться свежим воздухом, солнцем, свободой...

– Заблудился, приятель! – прокаркал старый ворон с вершины берёзы, – Помню, довелось как-то клевать мне из твоей миски. Дом твой – напротив, через дорогу. Уходи отсюда! До беды недалеко!

– Осторожно! опасность! – испуганно заверещала сорока.

Сзади подкралась машина. Двигатель работал тихо – пёс ранее уже слышал похожий звук, когда хозяин возвращался домой. Неужели ОН за ним приехал?

В надежде пёс обернулся и увидел на фоне яркого солнца темные силуэты – к нему шли люди.

Он не ждал от них ничего плохого: ведь окружающая красота способна вдохновлять лишь на прекрасные поступки, и даже хвостиком приветливо вильнул. Откуда пёс мог знать, на что готов самый лютый зверь на свете?

– Хороша «груша»! – переговаривались люди – Быстро уроем, как думаешь? —

На голову доверчивого пса неожиданно обрушились удары.

Он даже не успел понять, что произошло. Боль оглушила, хлынула кровь из носа, ушей, глаз.

– Больно! Не надо! За что? – взвизгнул бедняга и замолчал: алая пена из изувеченной пасти мгновенно пропитала снег. Ноги подкосились, померк разум, и лохматый великан рухнул на землю...

– Готов! Быстро отбросил лапы!

Напитавшись страданием беззащитного пса, убийцы самоутвердились, получили эмоциональную разрядку – надолго ли?

Машина довольнo заурчала, словно насытившийся хищник, и медленно поползла на поиски новой жертвы...

Как только она исчезла из виду, слетел с ветки ворон, прискакала сорока, и сквозь полумрак сознания, пёс услышал:

– Очнись! Вставай! Надо идти! Тебе помогут! – птицы легонько пощипывали его тело.

Он приподнял голову. В ушах стоял звон, глаза почти ослепли, тошнило, и в голове тяжелым молотом пульсировала боль. Не слушались, заплетались лапы, но, собрав все свои силы, великан поднялся и побрел в сторону дома.

По обочине шоссе, оставляя кровавый след, медленно шел алабай. Мимо проносились машины, но людям не было дела до несчастной собаки. Он с трудом дышал, практически, не ориентировался в пространстве, и, в любой момент, мог стать жертвой аварии.

– Стой! Поддай назад! Собака ранена!

Сквозь шум в ушах услышал – к нему подбежали девушки.

– Боже! Что с ним? Да он в шоке... Срочно в клинику!

Пёс покорно подчинился незнакомым людям, инстинктивно понял: пришло спасение. Ему помогли забраться в салон, заботливо укрыли одеялом. Алабай тяжело и прерывисто дышал, из носа, рта сочилась кровь...

– Что случилось, бедный зверь? Ударил кто? Или машиной задело?

Пёс не знал людей, доставивших его в ветеринарную клинику, но целиком доверился своим спасителям. Врачи обнаружили несколько открытых переломов нижней челюсти, раздробленные кости, разорванные мышцы, выбитые зубы, тяжелую черепно-мозговую травму... Операция и последующее лечение обещали быть слишком дорогими, чтобы нашедшие беднягу девушки, были способны оплатить. За помощью обратились к добрым людям, через интернет, и на призыв откликнулись сотни не равнодушных – во всем мире следили за судьбой несчастного пса.

Всё последующее время, пока делали анализы, процедуры, готовили к операции, он находился в полубессознательном состоянии. А когда приходил в себя, видел добрые лица сочувствующих, и любящих его людей...

– Малыш, мы называли тебя Дариком, – шептала ему девушка. – Ты очень сильно пострадал, но знай, не все люди жестокие и злые. Мы постараемся тебе помочь.

Ты обязан выжить! Ты же очень сильный... А потом, будем вместе гулять в лесу, слушать пение птиц, нежиться на солнышке...

Пёс прислушивался, возвращаясь мысленно в тот прекрасный мир, который уже успел для себя открыть. Он снова шел по лесу, радовался чистому воздуху, небу, разговаривал с деревьями, зверями и птицами, и солнце ярко сверкало надо головой...

Но неожиданной, страшной тучей затмевали свет темные силуэты убийц...

И тогда начинал мозг собаки гореть, глаза застлал кровавый огонь, поднималась высокая температура, и санитары обкладывали беднягу льдом, снегом с улицы, дабы сбить смертельную, температурную отметку в 42,9 градуса. Только бы выжил!

И Дарик старался выжить, изо всех сил. Он чувствовал огромную любовь, заботу и внимание, которого ему порой так не хватало. И даже по-своему пытался ответить на эту любовь...

Дарик не знал, что по кровавым следам, девушки вышли на место преступления, что хозяин дома напротив, с установленным видеонаблюдением, дал ответ: собака появилась на дороге уже избитая... что однажды, когда после успокоительного, Дарик крепко спал, его навел нашедшийся хозяин, и долго стоял рядом, что-то шептал...

Быть может, просил прощения?

Ему не суждено уже было всё это узнать...

От тяжелых травм, сепсиса и кровоизлияния в мозг Дарик скончался на десятый день после трагедии...

Звенел апрель, очистилась земля и высоко, в лазурном небе пели жаворонки...

Татьяна Лаин.

Дорога в один конец

Памяти собак, погибших в годы Великой Отечественной войны.

– Товаришу лейтенант! Ось, дывитесь, яки гарны! – широкоплечий, крепкий, с пышными висячими усами сержант вытащил из подвальной ниши трех крупных сонных щенков.

Откуда-то вывернулась их мать и испуганно заскулила, жалостно заглядывая в глаза сержанту.

– И тебя возьмем. Не плакай, ну шо ты, бедолага, не плакай... – сержант подхватил скулящую собаку и посадил в кузов грузовика, где уже расположил на ветоши ее щенков.

– Да, Нечипоренко, ты молодец! И как только ты их находишь? – молоденький лейтенантик удовлетворенно рассматривал «улов»: две суки со щенками и еще несколько молодых собак разных пород сидели в грузовике, испуганно прижимаясь к полу.

– Я очень люблю их, товаришу лейтенант. У менэ своих аж три кобеля дома гуртуют, – Нечипоренко потоптался, довольный похвалой.

– Ты молодец, Нечипоренко, настоящий кинолог!

– Звыняйте, я Нечипоренко, а не «кинолух» и быть им не желаю – сержант обиженно смотрел на смеющегося лейтенанта.

– Ладно, поехали, Нечипоренко!

Грузовик мягко подпрыгивал на ухабах, собаки доверчиво жались к ногам сержанта, ласково разговаривающего с ними.

– Ось, привезем к кинолухам, воны вас и накормят и напоят. Не плакайте, робяты. Не плакайте.

Нечипоренко грустно вздохнул и погладил небольшую лохматую собаку, положившую голову на его сапог.

– Эх, робяты... Не знаете вы, шо вас ждет...

Собаки не знали, а сержант знал. Он знал, что завтра этих собак заберут военные кинологи и станут в ускоренном темпе готовить из этих никому не нужных бродяжек подрывников-камикадзе. Собак, ценой своей жизни подрывающих вражеские танки. У них даже не было кличек. Да и зачем? Срок учебы – две недели, а потом – в бой. В первый и единственный.

Нечипоренко видел, как это делается: оголодавшую собаку кормят сначала возле стоящего танка, потом у танка с работающим двигателем, ставя миску с едой так, что собака вынуждена была чуть подлезать под днище ревущего чудовища.

Собаки быстро привыкали к шумному, но безобидному, воняющему соляркой железному монстру, и ели свою пайку под днищем машины.

А потом... Потом на них крепили мины со специальным взрывателем, и собака шла под танк по команде «кушать»...

От соприкосновения с днищем танка мина взрывалась вместе с ее носителем.

Но собаки этого не знали. Голодные псы дружно бежали под ревущие танки за своей пайкой вкусной каши.

И так же дружно шли на смерть, бросаясь под немецкие танки...

Немцы очень не любили собак-камикадзе. Их расстреливали из пулеметов, не давая приблизиться к танкам, их «снимали» снайперы, их взрывали, но даже раненая собака шла вперед – под танк...

А если собаке не удавалось подлезть под машину и она возвращалась назад, к своим, ее взрывали свои же бойцы, ведь собака с миной на спине была опасна.

Едущие в кузове грузовика собаки ничего этого не знали. Они мирно спали, убаюканные дорогой, и только сержант Нечипоренко, поглаживая лохматую дворняжку, заснувшую на его сапоге, горестно вздыхал и проклинал свою горькую участь: отлавливать бездомных или забирать у населения собак и везти их в кинологический отряд.

Нечипоренко всей душой простого украинца, которого в далеком родном селе ждала не только семья, но и его собаки, ненавидел эту свою «службу», этот грузовик и эту проклятую дорогу, которая для собак была дорогой в один конец...

Их долго везли куда-то,
Их выгрузили в лесочке.
Ветер дул бесновато,
Было сыро и зябко очень.

Их подвели к опушке,
Всем нацепили ранцы.
И дали команду – Кушай,
Дуйте вперед, засранцы!

И пестрой волной лохматой,
Овчарки, эрдели, метисы,
Они побежали к танкам-
Там, под траками, миски...

Десять «фрицев» подбито
За десять смертей собачьих.
Отводит глаза кинолог...
Не плачет, совсем не плачет...

Владимир Плющиков

Бойцы называли собак-смертников одной общей кличкой «СПАСИБО». За то, что они ценой своей жизни продлевали жизнь воинов.

Александр Сороковик. Первая жизнь

– Ну, что делать будем, Степановна? – директор приюта недовольно постукивал пальцами по столу. – Сколько можно кормить твоих... этих? Все сроки вышли, никто их не берёт, ты же знаешь – пора усыплять. У нас вон сколько новых приходит, а где на всех еды взять? Эта вот, дикарка твоя, трёхцветная, она же ни к кому не идёт! Сколько раз хотели забрать, а она, видите ли, выпендривается, хозяев выбирает, шипеть начинает! Всё, Степановна, завтра же её – на усыпление!

Ага, щас, «на усыпление»! Знаем, знаем, проходили. Сегодня поговорят, а завтра Степановна опять изобразит из себя жертву склероза. Вон, стоит, делает виноватое лицо, сокрушённо разводит руками. Знает, что директор, Александр Юрьевич – не злой, в общем-то, человек, но всё же спорить в открытую с начальством не решается. А потом всё равно по своему повернёт...

И злится-то он не зря. Понять не может, почему не иду ни к кому, уже четыре раза взять хотели, а я – ни в какую! Вот и в прошлый понедельник за мной приехала тут одна... крыса номенклатурная (это её так Маркиз из соседней клетки называл, он раньше у частного предпринимателя жил) – её маленькая внучка во что бы то ни стало желала получить именно трёхцветную кису. Приехали на дорогой машине, привезли несколько пакетов корма. И что я теперь должна, сломя лапы к ним лететь и на спину падать, закатив глаза? Разбежалась! Так нет, схватили, потащили, в руки девчонке стали совать! Ну я и цапнула её чуть-чуть, на три коготка.

Как они раскудахтались, как засуетились! Степановна меня в охапку, да в клетку от греха подальше! А директор не растерялся, быстренько им Машику подсунул, была тут такая, тоже трёхцветная, только поменьше да похуже – тощая, шерсть лохматится. Но дело своё знает – давай к капризке ластиться, мурлыкать, в глаза заглядывать. Её и забрали в богатый дом. А я... дура, в общем, как Степановна говорит.

Ведь не знают они все, что я ждущу. Ждущу того, кому очень нужна. Я это чувствую, понимаю. А люди – нет. Что с них взять, с людей? Простые они, примитивные. Интуиции у них вообще никакой нет, ничего заранее предчувствовать не могут, а туда же – цари природы...

О, вот и они, дождалась! Мальчишечка лет восьми, худенький, бледный, глазки запавшие. Рядом – такая же славная девчушка, только крепенькая, здоровая. И папа с мамой. Сюда, мои хорошие, сюда, здесь я! Куда же вы повернули? А, понятно, вам сейчас дурака-Барсика навязывать будут. Он большой, красивый, дымчатый, глаза жёлтые, а мозгов нет... Только жрать и спать. А мальчишечка-то не дурак совсем, хоть и человек: головой качает, не хочет Барсика – понимает, что этот толстый дурень лечить его не собирается! Ох, за версту я чую, беда у тебя, мальш! И болезнь твою вижу, которая по ночам тебе голову разрывает, и маму твою, измученную и отчаявшуюся, и папу, что из последних сил держится, и сестрёнку, по ночам плачущую от жалости к братику.

А Степановна опять не туда тянет, даже до неё не доходит ещё, что только я им нужна... Ведь возьмут сейчас кого-то, только намучаются. Ну, уловите же кто-нибудь мой сигнал! О, я же говорила, среди людей только дети, пока не выросли, нас понимают! А потом по ихним, людским меркам, они взрослеют и мудреют. Хороша мудрость – кошек не понимать совсем!

Вон, оглядывается, заметил, как я по клетке бегаю, только силёнок совсем нет у него, ни до кого достучаться не может, но тут сестрёнка его, рысик-белобрыйсик в конопушках,

что-то у братика спрашивает, рукой в мою сторону показывает, а потом мамку за руку – дёрг, и ко мне!

– Ничего не понимаю, – Степановна задумчиво смотрит вслед уходящей семье: папе с мамой, радостно подпрыгивающей сестрёнке, и её братику, вцепившемуся в трёхцветную, дику, ни к кому не приближавшуюся кошку, сидящую у него на руках и мурлычущую на всю округу...

Ну, вот, наконец-то я дома, у хозяев, у тех, которых так долго ждала... Всё, всё про вас, ребятки, уже знаю. С детками беседовать – одно удовольствие! Говорят, и взрослые есть, которые кошек понимают, там, в приюте Сонька рассказывала, что её хозяйка была такой, пока не померла. Мы, говорит, с ней по вечерам беседовали часто. Не знаю, я только с детьми говорить могу, и то не со всеми. Степановна, на что добрая, а разговаривать не умела и меня не понимала...

Да, так вот, с детками я пять минуток пообщалась, и всё теперь знаю. И про страшные Олежаины приступы головной боли, и про новое лекарство, которое помогает, но не совсем. Потому что болезнь научилась с ним бороться, а увеличивать дозу нельзя – маленькое сердечко не выдержит. А если не увеличивать – тоже может не выдержать боли. И про то, как Оленька любит братика и хочет, чтобы он выздоровел, как просыпается и плачет по ночам, когда Олежа кричит во время приступа. И про измученных маму с папой, готовых взять на себя часть этой боли, но им не дано. Люди ведь, не кошки...

А ночью Олежаку скрутил такой страшный приступ, что пришлось вколоть внеочередную ампулу сильного лекарства. Через час, измученный, с искусанными от боли губами, он забылся тяжёлым, наркотическим сном, вызванным сильной дозой препарата. Если ему удастся продержаться хотя бы до полудня, то потом можно будет сделать очередной укол. Если приступ случится раньше, колоть лекарство нельзя – сердце не выдержит.

Света, сидя возле кровати сына, уже не понимала, где сон, а где явь. Измотанный организм требовал сна, но она не хотела терять контроль ни на минуту, испуганно подхватываясь никнувшей в полузабытьи головой, пытаясь взглянуть в лицо Олежаки. Наконец, благодатный сон окончательно сморил её, голова безвольно свесилась на плечо.

В узкую щель приоткрытой двери незаметно скользнула беззвучная тень. Трёхцветная кошка подошла к кровати, прыгнула на одеяло, покрутилась немного, потопталась, затем решительно перебралась в изголовье и улеглась венчиком вокруг головы мальчика. Повозилась, устраиваясь, заурчала уютно, немного помесила передними лапами. А вскоре гримаса боли ушла с Олежакиного лица, он даже слегка улыбнулся во сне. Дыхание его стало ровным и глубоким, в унисон тихому кошкиному урчанию.

Ох, как же тяжело мне! Какая страшная боль вцепилась в парнишку! Я недолго выдержала, но всё же сняла её немного, освободила его силы. Он теперь заснул, хорошо заснул, спокойно. И мне нужно поспать, залечь где-нибудь, переварить эту боль, выпустить её, уже убитую, безвредную... Я тут, Оленька, у тебя в ногах пристроюсь, ты не бойся, эта злая болячка к тебе не перейдёт, мы, кошки, её в себе перевариваем, никому не передаём... Спать, спать скорее, устала...

...Света резко встрепенулась, вскинула сонную голову. Сколько же она проспала? О Боже, почти утро, рассветает... Как там Олежа? Спит... Просто спит, безмятежно и тихо как давно уже не спал. Неужели этот приступ ей приснился? Нет, вот пустая ампула, шприц... Может, лекарство так подействовало? Она смела со столика осколки, выбросила в ведро.

Заглянула по дороге в детскую – Оленька сладко сопит во сне, подложив ладошку под щёку, Алиска лежит у неё в ногах, вытянув лапы и почти не дыша. В спальне муж Николай спит на животе, раскинув руки и ноги – кажется, его не сможет разбудить даже канонада. Как давно они все так хорошо не спали! Света прошла на кухню, поставила чайник. Посидеть в тишине, выпить кофе – такое забытое счастье...

С этого дня что-то изменилось. Не то, чтобы наступил перелом или миновал кризис. По-прежнему наваливались страшные приступы, по-прежнему терзали Олежку головные боли. Всё также приходилось иногда колоть вторую ампулу лекарства, а однажды, когда нестерпимая боль не выпускала мальчика из когтей весь вечер и часть ночи, пришлось вколоть и третью. Но после этих приступов Олежка теперь быстрее приходил в себя, засыпал ровно и спокойно, словно набираясь сил. А вскоре Света обнаружила, боясь самой себе в этом признаться, что приступы стали короче, боль становилась не такой изматывающей.

Она не сразу заметила, что после каждого приступа Алиса приходит в кроватку к сыну и ложится у него в изголовье. Кошка пробиралась в спальню незаметно, обычно после того, как Света проваливалась в тяжёлый сон, приходящий к ней после окончания Олежкиного приступа...

Наконец-то хозяйка соизволила заметить, какое «лекарство» принимает её сын. Она рядом с кроваткой сидит, дремлет, голову уронив, пока Олежка не заснёт и не догадывается, что без меня-то сна ему не будет! А позавчера ночью подхватила, глаза красные, смотрит на кровать, понять не может. А у меня как раз, самый пик лечения, боль ко мне переходит. Смотрю на неё строго: не мешай, мол, хозяйка, не видишь, не до тебя тут? Ну, она, хоть и взрослая, но поняла меня, не прогнала, а только сидит, глазами хлопает.

Не знаю, врала Сонька тогда или как, но не умею я со взрослыми разговаривать. Или они со мной. Сколько уже дней я Олежку лечу, боль из него вытаскиваю, а она только сейчас заметила, да и то... не спросила меня даже, как я себя чувствую, мне ничего не рассказала. Вот Оленька – совсем другое дело! Утром просыпается, а я у неё на одеяле лежу.

«Здравствуй, моя кисочка-Алисочка! Как дела?»

«Доброе утро, рысик-белобрысик! Всё хорошо! Дай-ка я об тебя потрусь, помурлыкаю, а то совсем с тобой не общаюсь, уж прости, сама знаешь, все силы на Олежку уходят!»

«Знаю-знаю, киса! Как там братик, лучшие ему?»

«Лучшие, конечно, лучшие. Я стараюсь!»

Вот так поболтаем с ней и совсем другое дело! С Олежкой пока толком не поговоришь, его лечить надо. Но тут уж я вижу, скоро дело на поправку пойдёт! Ту злую болячку, что я не успеваю забрать, лекарство добывает, так мы вдвоём и боремся. Только мне всё тяжелее становится, силы уходят. Надо с Оленькой поговорить, чтоб весной меня на травку выпустили, мне самой подлечиться надо, я ведь тоже не железная...

А вот интересно, правду Рыжий тогда сказал? Он был старый совсем, мудрый, всё больше лежал, а вскоре и помер. Но я с ним о многом поболтать успела... Так вот, он говорил, что помнит все свои предыдущие семь жизней. И, получается, после этой у него одна останется.

Ну, то что у кошки девять жизней, это любой котёнок знает, даже ленивый дурак-Барсик и тот в курсе. А насчёт того, чтобы помнить... Я вот совсем ничего не помню. Знаю, что, у меня ещё восемь жизней впереди? Нет, эту свою нынешнюю жизнь нелепую помню: и улицу, и подвал, где я свой единственный выводок пыталась сохранить... Холод лютый, зима, ни одна собака поесть не даст... Так и погибли все трое, последней та белая кошечка, которую мне сейчас Оленька напоминает, рысик-белобрысик...

Ладно, что теперь вспоминать, у кошки вся жизнь такая, редко кто может детей вырастить, только породистые, элитные; говорят, за них ещё и большие деньги платят! Только Рыжий заявлял, что глупые они в основном, хуже Барсика.

Ладно, пойду поем, и спать. Хозяин пришёл с работы, значит, пора на кухню. Он – мужчина строгих правил, на руки никогда не возьмёт, не гладит почти. Зато еду всегда приносит. И раньше хорошо кормил, а уж когда понял, что его сына лечит, я ни разу без куриной печёнки не осталась! И откуда только узнал, что это моё любимое лакомство?

Вот и зима на исходе... Первый раз я зиму в хозяйском доме провела, в тепле и уюте, не заботясь о пище и ночлеге. Да какой там, «заботясь»! Они меня теперь чуть не на руках носят, пылинки сдувают! Олежка на поправку пошёл, теперь и три дня без приступа – не редкость. Да и всё тише эти приступы. Оленька мне рассказала, что они перешли на более щадящее лекарство, оно одолеет болезнь. Я по-прежнему прихожу к нему, лечу, но уже больше для поддержки, они теперь сами справятся.

С Олежкой мы немного разговариваем, но это совсем не то, что с Оленькой. У него все мысли о том, как он летом на дачу поедет, как осенью в школу пойдёт. Друзья к нему приходиться стали. Нет, он меня любит, конечно, но сдержанно, по-мужски. А Оленька для меня – не то котёнок, не то подружка. Это она мне по секрету сказала, что мама с папой впервые за три года летом на дачу собираются, Олежке свежий воздух нужен, натуральные продукты.

И мне травка нужна свежая, да молочко. Совсем я вымоталась с этой болячкой, всё время спать хочу... Пойду, в уголок забьюсь, посплю.

...Весна незаметно прошла, словно и не было её. Лето наступило. Никуда мне не хотелось, ни гулять, ни играть. Поест да поспать. Олежка весёлый стал, шумный. Родители его тоже изменились. Вчера у них гости были, так хозяин впервые, как я его знаю, напился, говорит – от радости. Лез ко всем обниматься, целоваться, даже меня хотел в нос поцеловать! Ну, дела!

Мы с Оленькой от них убежали к ней в комнату и там допоздна проболтали. Я ей про своих котят рассказала, а потом про Маишку, Барсика, Маркиза, Соньку, Рыжего, про других котов и кошек знакомых, про Степановну. А она про подружек, про школу, про ромашки свои любимые.

Ромашки – это хорошо! Скорей бы на дачу!

В июле солнышко жаркое, травка высокая. Мне всё больше спать хочется, со двора не хожу никуда. Месяц назад, как только приехали, приходили соседские коты и кошки – знакомиться. Поговорили немного, а я так устала, что тут и заснула под вишней. Они обиделись, наверное, ушли, больше не появляются. Да мне, в общем-то, всё равно.

Хозяева целыми днями то на речке пропадают, то в лесу – купаются, ягоды какие-то собирают; невкусные, как по мне. Оленька тоже с ними уходит, не сидит со мной. А я и рада, честно говоря. Трудно мне разговаривать целый день. Правда, вечером обязательно ко мне прибежит, погладит, расскажет новости.

Далеко ещё до вечера... Сонное марево висит в воздухе, даже наглые воробьи попрятались. Глаза закрываются, спать, спать...

Прошла неделя, и сегодняшним вечером я обошла всех хозяев, со всеми попрощалась, как могла. С Олежкой помурлыкала, слегка помесила его лапами, когда он на ковре валялся – просто напомнила ему про ушедшую болезнь. Хозяину с хозяйкой об ноги потёрлась. А потом

ушла к Оленьке. И так бы всё хорошо было: и поговорили мы, и помолчали, и за ушками она мне почесала.

Только показалось, что она о чём-то догадывается – уж больно суетилась, от себя не отпускала. Я даже хотела в коридор уйти, чтоб малышку не тревожить зря. Но всё же осталась, беззаботный вид сделала, обманула её бдительность. Спи, маленькая, я здесь тоже рядышком полежу...

Тут главное – очень тихо выйти из дому, под утро, когда все спят. Обычно кошке это легко удаётся. Но сейчас сил совсем нет, уходят они, словно вода в песок. А ведь надо спешить, уже время пришло... Ох, до форточки бы допрыгнуть... Ф-фу, хватило сил, теперь уже совсем немного осталось, там, за сараем есть закуточек такой, я его давно приглядела, доползу туда, там и останусь... До леса бы дойти, подальше от дома, но сил не хватит, да и боюсь я этого леса, совсем городская стала, домашняя.

...А вот это ты зря за мной прибежала, моя хорошая... Нельзя людям видеть, как кошки умирают, особенно таким, как ты: маленьким, добрым и славным. Давай, я всё-таки спрячусь, зачем тебе эти переживания? Мы вчера так хорошо поговорили, помурлыкали... Прости, рысик-белобрысик, но мы уже с тобой по разные стороны. Ты не переживай так, у меня ещё восемь жизней впереди! И первую я не зря прожила, как мне кажется...

Июльское утро только начинается. Ещё не жарко, солнышко едва взошло. Не плачь так горько, малышка! Кошки редко живут долго... А у тебя вся жизнь впереди. Вот и мама вышла к тебе, ты ещё маленькая, ещё можешь в её объятиях поплакать о трёхцветной кошке Алисе. Не печалься, девочка! Пусть не будет у тебя большего горя, хотя бы в детстве... Вот проснулся Олежка – весёлый, здоровый, радостный. А вон слышен и папин голос. Пора бежать к соседке тёте Марине за молоком. Жизнь продолжается...

Послесловие

«...У соседей кошка котят принесла, они теперь всем их предлагают. Моя Ксюшка вчера с ребятами бегала смотреть, потом весь вечер рассказывала, какие котята хорошенькие, да на меня с намёком смотрела, говорила, что мама с папой ей котёнка обещали, – Елена Андреевна тяжело вздохнула, – скучает по ним, когда они опять к нам из Москвы своей приедут! Там одна кошечка есть, трёхцветная, может, и вправду, себе её взять? Тишка старый уже, ленивый, мышей перестал ловить. А внучке радость, пусть с котёнком возится. И в доме кошка нужна – для охоты. Да ещё говорят, трёхцветные лечить, если что, могут...»

Август – сентябрь 2014

Пятый тур. Героика

Александр Русанов. Герой

По тротуару шёл мужчина средних лет, чуть выше среднего роста. Его фигура, облаченная в спортивный костюм, привлекала взгляды женщин рельефностью мышц и гибкостью. Уверенность в движениях и спокойный взгляд придавали ему благородный вид. Молодая мамаша на несколько секунд засмотрелась на него, и её пятилетний сынишка неожиданно выскочил на проезжую часть. Заскрипели тормоза, но Виктор Петрович (так звали мужчину) походя сделал шаг с пешеходной дорожки, ловко ухватил мальчика за шиворот и вернул мамаше. Все его движения были отточены. Поворачиваясь к матери ребёнка, он слегка отвёл в сторону бедро, пропуская правую часть машины, и только убирающееся зеркало слегка задело его по рёбрам. Прохожие просто замерли с открытыми ртами, машина, продолжая скрипеть тормозами, заканчивала манёвр, а он как ни в чём не бывало просто пошёл дальше.

Героические будни преследовали Виктора всю жизнь. Ещё в детском садике он несколько раз выручал сверстников и сверстниц из опасных ситуаций. То приятель падает с горки, и он его подхватывает на руки; то подружка идёт вдоль стены садика, а с крыши падает сосулька и он успевает отдернуть девочку с траектории падения острой лыдины. Один раз на воспитательнице от новогодних свечек загорелось платье, и он лихо его погасил. В первый же день учёбы в школе он смело прогнал собаку, бросившуюся на учителя, а через неделю поддержал на лестнице потерявшую равновесие директрису. И это продолжалось всю его жизнь. Когда он стал взрослым, возможности проявить героизм пошли косяками. Где бы он ни появлялся, обязательно вспыхивал очаг с пограничной со смертью ситуацией и он его с блеском гасил. Это проклятье так отточило его мастерство супермена, что он спасал жизни, как некоторые смахивают пыль с рукава. Правительство города Энска уже перестало обращать на это внимание. Все возможные гражданские награды всех степеней лежали в его секретере и пылились как коллекция значков. Его жена и десятилетний сын гордились главой семейства, а Виктор Петрович был глубоко несчастлив. Как ему хотелось побыть обычным человеком, рядом с которым идёт спокойная и размеренная жизнь, поработать в обычном офисе, простым клерком. Но на работу его никуда не брали: кому охота в первый же день появления нового сотрудника стать свидетелем происшествия с героической концовкой? Мэрия просто выплачивала Виктору очень приличную пенсию за полученные награды и закрывала перед ним двери всех заведений. Так он и жил, ежедневно выходя на улицу, дабы совершить очередной подвиг, а иногда и два, и возвращался домой с чувством выполненного долга.

— Господи, ну почему мне так не везёт? — взмолился однажды наш герой. — Что я сделал такого, что для меня подвиг стал работой? Даже пожарные в городе давно спились и им платят зарплату скорее по привычке. Милиция давно забыла, как ловят преступников, и умеет только составлять протоколы и записывать мои пояснения, да и преступников почти не осталось: все разбежались по стране, видя неотвратимость наказания. Ну, дай ты мне пожить для себя, хотя бы месяц, разреши почувствовать радость спокойного бытия!

— Хорошо. — Ответил Бог. — Поживи тридцать дней жизнью простого человека. Посмотрим, что ты скажешь после.

На следующее утро Виктор Петрович вышел на улицу в своё привычное время. Он не очень поверил гласу свыше и отправился совершать свой рутинный ритуал супермена.

Пройдя весь город за пару часов, он развернулся и пошёл обратно. Ничего не происходило. Многие прохожие знали его в лицо и с опаской отходили в сторону. Ни у кого не появлялось желание стать спасённой жертвой. Мужчина им понимающе улыбался и внимательно следил за происходящим вокруг него. Он ждал происшествия, но оно произошло в пяти километрах. Загорелась квартира и в плену огня оказалась пожилая женщина. Другой мужчина, обычный слесарь, бросился на выручку и ценой сильных ожогов спас старушку. В вечернем выпуске новостей об этом узнал весь город. Первый раз за последние двадцать лет произошло событие, в котором не участвовал ИХ ГЕРОЙ. Репортёры атаковали больницу, в которой лежал смельчак с ожогами и спасенная им пострадавшая.

Это событие заставило Виктора Петровича вспомнить обещание Бога. Он подошёл к иконе, висевшей в углу комнаты, и встал на колени.

– Господи, спасибо тебе, что ты освободил меня от этого бремени! Я так устал совершать подвиги, и мужская зависть ежедневно обжигает меня. Не должен один человек вбирать в себя всё счастье героической помощи, это должно распределяться равномерно на всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.